

**Общественное объединение
«Центр изучения внешней политики и безопасности»**

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И НАТО В 2014 Г.

Сборник материалов международного семинара

Минск, 4-5 декабря 2014 года

Минск
РИВШ
2015

УДК 327.51(082)

ББК 66.4(0)я43

М43

Рекомендовано
правлением Общественного объединения
«Центр изучения внешней политики и безопасности»
(протокол № 6 от 22 декабря 2014 г.)

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук, доцент *А.В. Русакович* (отв.ред.);
доктор исторических наук, профессор *А.А. Розанов*;
доктор исторических наук, профессор *В.Г. Шадурский*;
доктор исторических наук, профессор *А.А. Челядинский*;
кандидат исторических наук, доцент *А.В. Тихомиров*;
С.Ф. Палагин

Международная безопасность и НАТО в 2014 г. : сб. материалов между-
народного семинара, Минск, 4—5 декабря 2014 г. / под ред. А. А. Розанова,
А. В. Русаковича. — Минск : РИВШ, 2015. — 94 с.
ISBN 978-985-500-861-4.

В сборнике представлены статьи по различным аспектам европейской и международной безопасности, внешней политике отдельных государств на современном этапе.

Адресован ученым, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется проблемами международной и европейской безопасности.

УДК 327.51(082)

ББК 66.4(0)я43

ISBN 978-985-500-861-4

©Оформление ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Абилов И. Взаимодействие Турции и НАТО в ходе Сирийского конфликта	4
Авласенко И. М. Миссии НАТО в зонах региональных конфликтов в 2010-е годы.....	9
Антанович Н. А. Политический дискурс войны и мира в конструировании концепта международной безопасности.....	16
Барахвостов П. А. Политика ассоциации ЕС в отношении Украины (2014 г.): украинский стресс-тест для европейской безопасности.....	23
Бровка Г. М. Обеспечение региональной экономической безопасности в условиях разновекторных интеграционных процессов	27
Бычкова О. М. США, Евросоюз и НАТО в условиях новых вызовов международной безопасности.....	32
Володькин А. А. Региональное сотрудничество в контексте евроатлантической интеграции: пример стран Балтии.....	38
Воронович В. В., Верлуп С. В. Понимание сущности угрозы коллективной безопасности как системного объекта в контексте совершенствования стратегии развития НАТО.....	43
Воронович В. В. Трансформация концептуальных основ функционирования НАТО.....	50
Довгань Е. Ф. Имплементация Республикой Беларусь международных обязательств, связанных с участием в региональных организациях на постсоветском пространстве	56
Розанов А. А. Формирование «боевых групп» ЕС.....	65
Русакевич А. В. Создание Евразийского экономического союза и проблемы безопасности на постсоветском пространстве.....	69
Сивицкий А. В. Реакция НАТО на украинский кризис (по результатам симуляционной игры).....	72
Челядинский А. А. Ливийский провал НАТО.....	78
Чиж А. М. Энергетическая безопасность в повестке дня НАТО.....	83
Шпаковский А. П. Востребованность сотрудничества ОДКБ и НАТО в преодолении вызовов глобальной безопасности.....	88

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТУРЦИИ И НАТО В ХОДЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

*И. Абилов, Белорусский государственный университет,
аспирант*

Турция присоединилась к НАТО 18 февраля 1952 г. - уже через три года после создания альянса. Принято считать, что данный шаг Анкары демонстрирует ее исторический выбор в пользу сотрудничества с Западом и тогдашнее желание защититься от распространения коммунистических идей. Самому альянсу это позволило усилить свой «южный фланг» в период холодной войны.

Как известно, Турция является активным участником операций по поддержанию мира с участием НАТО. Так, Анкара участвовала в операции в бывшей Югославии и первой войне в зоне Персидского залива, в операции в Ливии, в составе Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF). Турция также является одним из немногих государств-членов альянса, на территории которых имеются ядерные боеприпасы США: на базе ВВС Турции Инджирлик, находящейся недалеко от границы с Сирией, складированы семьдесят тактических ядерных бомб США (тип B61-12) [1]. 16 января 2012 г. в провинции Малатья была введена в эксплуатацию радиолокационная станция раннего оповещения, являющаяся частью системы ПРО НАТО в Европе [15]. При этом стоит заметить, что в последние годы Анкара пытается проводить в рамках Североатлантического союза более самостоятельную политику, например, активизируя свои отношения с Россией [11, с. 3, 4, 7]. Начавшийся в 2011 г. сирийский кризис продемонстрировал не только геополитические амбиции нынешнего турецкого правительства, но и различия в подходах к разрешению кризиса у Турции и у других государств-участников альянса.

Кризис в Сирии стал одним из этапов так называемой «Арабской весны», сменившей один за другим несколько режимов в регионе Большого Ближнего Востока. В 2011 г., в момент назревания конфликта, многие наблюдатели и политики ожидали, что Сирия не станет исключением в ряду арабских стран, столкнувшихся с внутривнутриполитическим коллапсом, и вскоре после относительно быстрой революции режим Б. Асада падет. Турция, которая с 2002 г. под руководством правящей Партии справедливости и развития успешно наращивала свою экономическую и геополитическую мощь, видела в ситуации возможность для резкого усиления своей роли как в регионе, так и в мире в целом. Поэтому Анкара в надежде на повторение в Сирии «ливийского сценария» стала открыто поддерживать противников Б. Асада. В

некоторой степени такому подходу способствовала и позиция НАТО. Во время визита 16-17 февраля 2012 г. в Турцию, отмечавшую тогда 60-ю годовщину присоединения страны к Североатлантическому союзу, генеральный секретарь НАТО А. Ф. Расмуссен заявил: «Турция не просто разделяет нашу безопасность – она формирует ее. Ваши опыт и знания о Ближнем Востоке и Северной Африке бесценны. Они приносят пользу всей НАТО» [14].

22 июня 2012 г. сирийскими ПВО был сбит турецкий истребитель F4. Турция, воспользовавшись статьей 4 Устава Североатлантического союза, обратилась с просьбой о проведении консультаций в Совете НАТО в связи с угрозой безопасности. После экстренного заседания генеральный секретарь НАТО отметил, что альянс рассматривает «этот неприемлемый акт как еще один пример того, что сирийские власти игнорируют международные нормы мира, безопасности, ценности человеческой жизни», однако добавил, что статья 5 Вашингтонского договора, согласно которой акт агрессии против одного из государств-членов рассматривается как нападение на весь альянс, союзниками не обсуждалась [10].

3 октября 2012 г. произошел другой инцидент, который, как ожидалось, мог привести к вовлечению Турции и НАТО в сирийский конфликт. В результате падения артиллерийских снарядов, выпущенных с территории Сирии, в Акчакале (провинция Шанлыурфа) погибли пять человек [5]. На последовавшем следующим вечером экстренном заседании Совет НАТО заявил, что "альянс поддерживает Турцию и призывает сирийский режим положить конец вопиющим нарушениям международного права" [6]. Тем временем, в самой Турции парламент страны предоставил правительству премьер-министра Р. Т. Эрдогана годичный мандат на проведение трансграничных армейских операций [4]. Турция стояла на пороге вторжения в Сирию. Однако прежде хотела заручиться поддержкой НАТО и Совета безопасности ООН.

21 ноября 2012 г. турецкое правительство обратилось с письмом к генеральному секретарю НАТО с просьбой развернуть на своей территории зенитно-ракетные комплексы «Patriot» в связи с сирийской угрозой, что было принято в заявлении министров иностранных дел стран-членов альянса от 4 декабря. В заявлении отмечалась «решимость отражать угрозы и защищать Турцию», но вместе с тем подчеркивалось, что «любое развертывание будет носить исключительно оборонительный характер. Оно никогда не будет использоваться для оказания поддержки в обеспечении режима бесполетной зоны или любых наступательных действий» [13]. С 26 января по 15 февраля 2013 г. в Газиантепе, Кахраманмараше и Адане были развернуты шесть батарей «Patriot» - по две от США, Германии и Нидерландов. Такой ход событий рассматривался некоторыми аналитиками, как составная часть плана по гото-

вящемуся нападению на Сирию [8]. После появившихся сообщений об использовании режимом Б.Асада химического оружия в СМИ стала усиленно циркулировать информация о готовящейся операции НАТО в Сирии – даже в обход Совета Безопасности ООН [17]. И, возможно, если бы не жесткая позиция России и Китая, «ливийский сценарий» действительно был бы задействован и в отношении режима Б.Асада.

Однако, как известно, 14 сентября 2013 г. в Женеве США и Россия сумели прийти к соглашению, которое предотвращало сценарий вторжения в Сирию. Согласно достигнутой договоренности, сирийское правительство в кратчайшие сроки должно было передать список имеющегося у него химического оружия, а также предоставить неограниченный и беспрепятственный доступ Организации по запрещению химического оружия и ее представителям для инспекции всех химических вооружений в Сирии, после чего должно было быть полностью уничтожено все химическое вооружение этой страны [2]. Это привело к резкой смене геополитической обстановки в регионе и фактическому вытеснению Турции на периферию событий, значительному ограничению ее роли в принятии решения. Анкара, ввязавшаяся в сирийский кризис в надежде на укрепление своих геополитических позиций, неожиданно для себя, не имея поля для маневра, в итоге получила на своих границах с очаг военного конфликта и перспективу формирования курдской государственности.

Очередной поворот в сирийском конфликте произошел летом 2014 года, когда стремительное продвижение группировки ИГИЛ в Ираке и Сирии привело к формированию нового сложного геополитического узла, эпицентром которого стал курдский город Кобани на сирийско-турецкой границе, штурмуемый джихадистами. В сентябре была сформирована международная коалиция для борьбы с террористической организацией во главе с США, которая вскоре начала наносить авиаудары по позициям противника. Новый премьер-министр Турции А. Давутоглу заявил, что «Турция готова принять участие в международной коалиции против террористической группировки ИГИЛ в части создания бесполетной и буферной зон, но при определенных условиях: если стратегия США будет включать в себя атаку на Асада» [9]. Однако союзники по НАТО не планируют атаку на войска Б. Асада, т.е. фактически Турция не только лишена поддержки в своей борьбе с Б. Асадом, но остается сторонним наблюдателем в разворачивающейся на ее границах битве. Анкара отказывается оказывать военную помощь курдским силам самообороны и не позволяет «своим» курдам перейти границу для защиты Кобани, т.к. курдская партия «Демократический союз» (PYD) считается в Турции ветвью Курдской рабочей партии, более 30 лет ведущей с Анкарой вооруженную борьбу [12].

Конфликт с ИГИЛ обещает не быть краткосрочным [3]. Это же подтвердил и новый генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг во время своей первой поездки в Турцию в октябре нынешнего года. Он также заявил, что «в НАТО создание бесполетной зоны на повестке дня пока не стоит» [7]. Таким образом, в погоне за своими геополитическими амбициями, Анкара рискует вновь оказаться в хвосте событий, результат которых может быть совсем неутешительным для нее: дальнейшее продвижение джихадистов и угроза инфильтрации их, а вместе с ними и вооруженного конфликта на территорию самой Турции; укрепление курдских государственных образований в Ираке и Сирии, что лишь активизирует турецких курдов в их борьбе за независимость; либо же сохранение у власти в Сирии враждебного Анкаре правительства Б. Асада. В зависимости от хода событий может быть реализован один или даже несколько из этих сценариев.

Литература

1. Взаимодействие Турции и НАТО // ИАП "НАТО.рф" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://нато.рф/ru/turkey.html>. - Дата доступа: 01.12.2014.
2. Келлерхалс, М. Принято соглашение, направленное на ликвидацию сирийского химического оружия // ИР Digital (2013г., 15 сентября). – Режим доступа: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/article/2013/09/20130917282987.html#ixzz3Ktl4D5uM>. - Дата доступа: 02.12.2014.
3. МИД Сирии: США будут 3 года наносить авиаудары по ИГИЛ // Новая газета (2014г., 27 сентября) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/news/1687525.html>. - Дата доступа: 02.12.2014.
4. Парламент Турции дал добро на трансграничные операции в Сирии // РИА «Новости» (2012г., 4 октября) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20121004/766185565.html#ixzz3KtX9r9t8>. - Дата доступа: 03.12.2014.
5. Снаряды с территории Сирии упали в турецком городе, 5 человек погибли // РИА «Новости» (2012г, 3 октября) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/arab_sy/20121003/765437654.html. - Дата доступа: 01.12.2014.
6. Совет НАТО потребовал от Сирии прекратить агрессию против Турции // Война и мир (2012г., 4 октября) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/73435/>. - Дата доступа: 02.12.2014.
7. Столтенберг: бесполетная зона в Сирии не решит всех проблем // РИА «Новости» (2014г., 9 октября) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20141009/1027584787.html>. - Дата доступа: 30.11.2014.

8. Тарасов С. На Ближнем Востоке происходит смена геополитических декораций// ИА РЕКС (2014г., 25 июня) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/articles/48773.html>. - Дата доступа: 01.12.2014.
9. Турция не исключает своего участия в наземной операции в Сирии // 1news.az (2014г., 6 октября) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1news.az/region/Turkey/20141006093001718.html>. - Дата доступа: 30.10.2014.
10. Турция созвала военных союзников после инцидента со сбитым истребителем // Первый канал (2012г., 26 июня) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/world/210250>. - Дата доступа: 03.12.2014.
11. Kogan, E., “Turkey’s Place and Role in NATO,” in E. Kogan & V. Polat eds., *Zur Aussen- und Innenpolitik der Türkei*, Wien: IILP, Reihe Studien, 2010, pp. 3-10.
12. Kozan, Ü. Cumhurbaşkanı Erdoğan: ‘PYD Bizim için PKK ile Eştir’// Hürriyet (2014г., 19 октября) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/27413370.asp>. - Дата доступа: 02.12.2014.
13. NATO Foreign Ministers’ statement on Patriot deployment to Turkey // NATO - Official Web Site (2012г., 4 декабря) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_92476.htm. - Дата доступа: 02.12.2014.
14. NATO Secretary General Thanks Turkey for Vital Role in the Alliance// NATO - Official Web Site (2012г., 17 февраля) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/SID-311D0FF3-65D6EB1B/natolive/news_84523.htm?selectedLocale=en. - Дата доступа: 02.12.2014.
15. Part of NATO missile defense system goes live in Turkey// CNN (2012 г., 16 января) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2012/01/16/world/europe/turkey-radar-station/index.html>. - Дата доступа: 02.12.2014.
16. Riegert, B. NATO chief calls for intervention in Syria// Deutsche Welle (2013г., 2 сентября) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/nato-chief-calls-for-intervention-in-syria/a-17061245>. - Дата доступа: 02.12.2014.
17. Traynor, I. NATO Members Could Act against Syria without UN Mandate // The Guardian (2013г., 25 августа) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2013/aug/25/syria-un-mandate-nato-military-action>. - Дата доступа: 30.11.2014.

МИССИИ НАТО В ЗОНАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В 2010-е гг.

*И. М. Авласенко, Белорусский государственный университет,
аспирант*

В Стратегической концепции НАТО, принятой на саммите в Лиссабоне в ноябре 2010 года, были указаны три основные задачи Североатлантического альянса: коллективная оборона, кризисное регулирование, безопасность на основе сотрудничества [НАТО 2010, с. 7–8]. В данном документе также было отмечено, что «НАТО будет активно использовать соответствующее сочетание политических и военных средств, чтобы помочь регулировать возникающие кризисы, которые могут потенциально затрагивать безопасность Североатлантического союза, еще до того, как они перерастут в конфликты; чтобы прекратить текущие конфликты там, где они затрагивают безопасность Североатлантического союза, и чтобы помочь упрочению стабильности в постконфликтных ситуациях там, где это способствует безопасности евроатлантического региона» [2, с. 7–8]. Таким образом, декларировалась готовность альянса быть задействованным на трёх стадиях конфликта: на стадии вызревания, в кульминационной фазе и в стадии постконфликтной стабилизации.

Однако о чём же говорит опыт участия альянса в конфликтах 2010-х годов, после принятия новой Стратегической концепции НАТО?

В 2011 – начале 2015 года были организованы семь различных миссий и операций альянса (Таблица 1). Пять миссий, две из которых завершились в рассматриваемый период, начались до 2010 года. Две новые были организованы в течение 2010-х годов, из которых одна (операция «Объединённый защитник» в Ливии) продлилась менее года, а вторая («Решительная поддержка» в Афганистане) заменила предыдущую миссию Международных сил содействия безопасности (МССБ) на рубеже 2014–2015 годов.

Из семи операций, указанных в таблице, лишь две (миссия Сил для Косово и МССБ) носили миротворческий характер и представляли вмешательство альянса на стадии постконфликтной стабилизации. Из указанных миссий лишь одна (операция «Объединённый защитник» в Ливии) представляла собой непосредственное вмешательство в «горячую фазу» конфликта. Остальные четыре операции носили либо носят характер мониторинга или тренировочной миссии.

Следует отметить, что ни одна из миротворческих операций НАТО не внесла быстрого и существенного вклада в стабилизацию ситуации в конфликтных точках. Так, авторы ежегодника СИПРИ отмечали, что после

окончания операции НАТО «Союзническая сила» против Белграда в 1999 году уровень насилия оставался на прежнем уровне [1, с. 30–31].

После провозглашения независимости Косово уровень этнической напряжённости сохраняется. Спустя десятилетие пребывания многонациональной коалиции в Афганистане ситуация в данной стране остаётся ещё более напряжённой. После окончания операции «Объединённый защитник» в Ливии страны Запада не стали проводить операцию по постконфликтной стабилизации, в результате чего в Ливии продолжилась гражданская война.

Первым фактором, который заставил страны НАТО более сдержанно относиться к проведению новых миссий, стал мировой экономический кризис 2008–2009 годов. На фоне существенных бюджетных дефицитов в США и в странах Европы финансовые затраты на кампанию на военные кампании в Ираке и Афганистане стали особенно чувствительны. В 2009 году США потратили на операции в Афганистане и Ираке 155 млрд. долларов, в 2010 году – 165,1 млрд. долларов [4, с. 17], что составило 4,2% общих бюджетных расходов в 2009 году и 4,5% – в 2010 году. Европейские союзники США также израсходовали значительные суммы. В частности, участие Франции в афганской кампании 2010 году официально обошлось более чем в полмиллиарда евро, а Германии в 2011 году – в 1,28 млрд. евро [10; 3].

Стоимость мониторинговых миссий НАТО оказалась намного дешевле. Так, административные расходы на организацию операции НАТО «Океанский щит» в 2012 году составила 5,7 млн. долларов [11, с. 14], хотя совокупные расходы (учитывая стоимость содержания кораблей) стали на порядок выше.

Таблица 1 – Миссии и операции НАТО в 2010-е годы¹

Название миссии	Страна (регион)	Характер миссии	Начало	Окончание
Миссии, продолжившиеся в 2010-х годах				
Миссия Сил для Косово (СДК)	Косово	Миротворческая	1999	Продолжается в настоящий момент (начало 2015 года)
Операция «Активные усилия»	Средиземное море	Мониторинг	2001	Продолжается в настоящий момент
Миссия НАТО–Международные силы содействия безопасности	Афганистан	Миротворческая	2003	2014
Тренировочная миссия НАТО в Ираке	Ирак	Тренировочная	2004	2011
Операция «Океанский щит»	Индийский океан, побережье Сомали	Мониторинг	2009	Продолжается в настоящий момент
Миссии и операции, начавшиеся в 2010-е годы				
Операция «Объединённый защитник»	Ливия	Установление бесполётной зоны	2011	2011
Миссия «Решительная поддержка»	Афганистан	Тренировочная	2015	Продолжается в настоящий момент

Вторым фактором, повлиявшим на форму проведения новых операций, стало общественное мнение в странах Запада, которое на фоне постоянно растущего числа потерь в Афганистане и Ираке стало более сдержанно относиться к новым военным операциям, потенциально способным повлечь за собой такие же потери.

¹ Составлено на основе: [2].

Увеличение военных контингентов в Афганистане с 2009 года привело к пропорциональному возрастанию количества погибших и раненых. Если в 2008 году в Афганистане погибли 155 военнослужащих США, то в 2009 – уже 317, а в 2010 – 499 [9]. Таким образом, увеличение контингента внесло существенный вклад в дальнейшее нарастание негативного отношения со стороны общественности к продолжению операции. Так, согласно опросам службы Gallup, в течение 2009–2010 годов доля американцев, считающих вторжение в Афганистан ошибкой, увеличилось с 30% до 43% [12].

Социологические исследования Фонда Дж. Маршалла, проведённые в США и в некоторых европейских государствах в 2009–2011 годах, в общем продемонстрировали тенденцию увеличения доли той части населения, которая выступала за сокращение и вывод войск из Афганистана (таблица 2). Таким образом, в общественном мнении стран Запада сформировалась устойчивая тенденция нарастания усталости от продолжительной военной операции.

Таблица 2 – Доля желающих сокращения контингента в Афганистане либо его полного вывода в США и странах ЕС²

Страна	2009 год	2010 год	2011 год
США	30%	41%	66%
Великобритания	60%	65%	69%
Франция	51%	57%	64%
Германия	57%	67%	70%
Италия	55%	59%	65%
Испания	54%	58%	57%
Польша	68%	77%	73%

Негативное общественное отношение в странах НАТО к афганской кампании проецировалось и на возможность новых военных операций. Так, опрос, проведённый в июле 2011 года Фондом Маршалла, показал, что если около половины респондентов в крупнейших странах-членах альянса поддерживали прямое вмешательство в ливийский конфликт (нанесение военно-воздушных ударов), то отправку наземных контингентов одобряли менее половины опрошенных во всех странах, за исключением Франции (Таблица 3). Таким образом, после проведения операции «Объединённый защитник» силы

² Составлено на основе: [18, с. 39]

альянса не стали проводить операции по постконфликтной стабилизации в Ливии.

Таблица 3 – Отношение общественности в крупнейших странах НАТО к различным методам вмешательства в ливийский конфликт (июль 2011 года)³

	Поддержка прямого военного вмешательства	Поддержка поставок оружия вооружённой оппозиции	Поддержка экономической помощи вооружённой оппозиции	Поддержка отправки наземного контингента
США	59%	49%	59%	31%
Великобритания	53%	50%	65%	39%
Франция	58%	57%	66%	56%
Германия	37%	26%	49%	18%
Италия	47%	33%	57%	29%
Испания	54%	36%	58%	35%
Польша	35%	30%	42%	21%

Ещё более негативным было отношение общественности к возможному вмешательству в сирийский конфликт. Так, лишь 25% жителей США одобряли возможное нанесение ударов по Дамаску. В Великобритании лишь 29% жителей поддержали данную идею, в то время как 57% уверенно против. Четыре из каждых пяти британцев считали, что для нанесения подобных ударов требуется резолюция Совета Безопасности ООН. В Германии 58% населения выступали против военных ударов, в Италии – 52% [6]. По опросу газеты «Le Figaro», 64% французов выступали против военной операции в отношении Дамаска [5]. Перспектива военной операции против Дамаска вызвала серьёзные разногласия между членами альянса: Германия и многие другие крупные член НАТО отказались от нанесения военно-воздушных ударов. В итоге подготовка к проведению военной операции против Дамаска готовилась в рамках «коалиции желающих», однако в сентябре 2013 года данная операция так и не состоялась.

Таким образом, в 2010-е годы Североатлантический альянс сделал ставку на такие операции, которые бы не повлекли существенных финансовых затрат, не вызвали бы крайне негативной общественной реакции, а также

³ Составлено с использованием [8, с. 80, 84–86].

не вносили бы существенных разногласий между странами-членами блока. В итоге в течение 2010-х годов наблюдается рост доли тренировочных и мониторинговых миссий НАТО, а также снижение числа операций, в ходе которых силам НАТО пришлось бы вступать непосредственно в боевые действия. Характерным примером явилась миссия НАТО в Афганистане, где постепенно ответственность за стабилизацию ситуации в стране была передана собственным афганским силам, а новая операция «Решительная поддержка» предполагает тренировку афганских сил безопасности. В настоящее время наиболее высока вероятность того, что в ближайшей перспективе данная тенденция сохранится, и тренировочные и мониторинговые миссии НАТО останутся преобладающей формой миссий Североатлантического альянса.

Литература

1. Ежегодник СИПРИ: вооружения, разоружение и международная безопасность: перевод с английского / Стокгольмский международный институт исследований проблем мира, Российская академия наук, Институт мировой экономики и международных отношений, 2000 / [редколлегия: Н. А. Симония и др.], 2001. – LX, 873 с.
2. Active Engagement, Modern Defence: Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon, 19–20 November 2010. – Brussels, 2010. – 36 p.
3. Auslandseinsätze der Bundeswehr kosten 1,5 Milliarden im Jahr 2011 [Electronic resource] // Die Zeit. 24. März 2012. – Mode of access: <http://www.zeit.de/news/2012-03/24/konflikte-auslandseinsaetze-der-bundeswehr-kosten-15-milliarden-im-jahr-2011-24124202>. – Date of access: 21.06.2014.
4. Belasco, A. The Cost of Iraq, Afghanistan, and Other Global War on Terror Operations Since 9/11. Congressional Research Service Report. – Washington D.C., Government Printing Office, 2011. – 55 p.
5. Bormaud, F.-X. Intervention militaire en Syrie : les Français lâchent François Hollande / François-Xavier Bourmaud // Le Figaro. – 6 septembre 2013. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/politique/2013/09/06/01002-20130906ARTFIG00443-intervention-militaire-en-syrie-les-francais-lachent-francois-hollande.php>. – Date of access: 19.02.2013.
6. Goodman, P. S., Hasan, M., Boudet, A. World Public Opinion Sharply Opposed to Syria Strikes [Electronic resource] // Huffington Post, 05.09.2013. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/2013/09/05/world-public-opinion-syria_n_3876187.html. – Date of access: 19.02.2013.

7. NATO operations and missions [Electronic resource] // NATO Official Website. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52060.htm. – Date of access: 19.05.2014.
8. Newport, F. More Americans Now View Afghanistan War as a Mistake [Electronic resource] // Gallup.com. – Mode of access: <http://www.gallup.com/poll/167471/americans-view-afghanistan-war-mistake.aspx>. – Date of access: 19.05.2014.
9. Operation Enduring Freedom. Coalition Military Fatalities By Year [Electronic resource] // iCasualties. – Mode of access: <http://icasualties.org/OEF/index.aspx>. – Date of access: 21.06.2014.
10. Rapport d'information déposé en application de l'article 145 du Règlement par la Commission de la défense nationale et des forces armées en conclusion des travaux d'une mission d'information sur le retrait d'Afghanistan et présenté par Mm. Philippe Meunier et Philippe Nauche, Députés, le 26 février 2012 [Electronic resource] // Assemblée Nationale. – Mode of access: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/pdf/rap-info/i0744.pdf>. – Date of access: 19.05.2014.
11. The Economic Cost of Somali Piracy, 2012 // Oceans beyond piracy. – Mode of access: http://oceansbeyondpiracy.org/sites/default/files/ecop2012final_2.pdf. – Date of access: 19.05.2014.
12. Transatlantic Trends survey 2011 – Topline Data, July 2011 // German Marshal Fund of the United States. – Mode of access: http://www.gmfus.org/publications_/TT/TTS2011Toplines.pdf. – Date of access: 21.06.2014.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ВОЙНЫ И МИРА В КОНСТРУИРОВАНИИ КОНЦЕПТА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. А. Антанович, Белорусский государственный университет, доцент

Политический дискурс в области международных отношений связан с проблемами войны и мира, агрессии и сотрудничества, которые охватываются тем или иным пониманием безопасности. Дискурсивный подход получает все более широкое распространение в политической науке. М. Маркс (M. Marks) в 2011 г. выпустил книгу «Метафоры в теории международных отношений», А. Бенки (A. Behnke) опубликовал книгу «Дискурс НАТО по проблемам безопасности после окончания холодной войны» (2012). Д. Мачин (D. Machin), Т. Ван Ливен (T. Van Leewen) выпустили работу «Дискурсы войны» (2007). Следует также отметить работы А.П. Чудинова (теоретико-методологические обоснования политической лингвистики), И.В. Жукова (исследование войны в дискурсе прессы), В.С. Мартьянова (изучение политической риторики), А.А. Степанова (анализ смыслового пространства понятий война и мир).

Цель данной статьи – изучить особенности дискурсивных практик и приемов в конструировании концепта международной безопасности.

Связь человека с миром и с социумом является и практической, и коммуникативной (по сути – языковой). Наши действия, согласно классикам ивент-анализа, можно подразделить на физические и вербальные (работы Ч. Тилли, Э. Азара, Дж. Гольдштейна). Вербальные (речевые) действия в сфере международных отношений делятся на миролюбивые и воинственные, а точнее – на дискурс мира и войны. Известнейшие мыслители с войной либо миром связывали понимание изначальной сущности человека: по Т. Гоббсу война – это «естественное состояние человека». А вот мир нужно поддерживать, сохранять, защищать. А.А. Степанов указывает, что понятие «война» обладает денотатом (т.е. мы можем эмпирически зафиксировать войну как историческое событие), а понятие «мир» является абстрактным. Денотатом обладает словосочетание «мирный договор», а не просто «мир» (если речь не идет о Вселенной). А.Степанов делает вывод: «“война” – имманентна и феноменальна, а “мир” – трансцендентен и ноуменален; война связана с движением, изменением и становлением, а следовательно, с временем и пространством; мир связан с неизменным, покоем и вечностью» [7]. Оба дискурса (мира и войны) могут использоваться в конструировании представлений о безопасности (как для правящей элиты, так и для широких масс).

Реалистическая школа международных отношений рассматривает безопасность как производную от силы (в первую очередь военной), а школа

политического идеализма – как следствие мира, поскольку прочный мир обеспечивает безопасность для всех. Теория секьюритизации, представленная работами Б. Бузана (B. Buzan) и О. Вэвера, рассматривает безопасность в качестве «дискурсивной практики, направленной на изменение расстановки политических приоритетов» [4, с.25]. Ж.Альварэс отмечает, что книга Б. Бузана «Народы, государства и страх» (1983) положила конец рассмотрению безопасности исключительно в военном плане. Безопасность включает в себя политические, социальные, экологические, культурные [добавим, и экономические (авт.)] аспекты» [9, р.62-63].

Таким образом, понимание безопасности может постулироваться как посредством миролюбивой, так и посредством воинственной риторики. Значимой стороной безопасности являются угрозы, которые должны упреждаться либо преодолеваться. Безопасность в системе международных отношений может рассматриваться как атрибут государства (блоков государств) и как атрибут международного сообщества. Второе понимание безопасности не может возникнуть спонтанно. Оно формируется в реальных межгосударственных отношениях и закрепляется в определенном дискурсе.

Политический дискурс как актуальное использование речевых практик всегда связан с метафорами. В качестве базисных, основополагающих выделяют следующие виды метафор: метафора пути, справедливой войны и рыцаря-освободителя, болезни и разрушения, «зоологические» метафоры (см. работы А.П. Чудинова) [5, с.86-89]. В дипломатии метафоры применяются как средство презентации идей, восприятия отношений с партнерами (метафоры мира и спортивного состязания), инструмент достижения мира.

Метафора пути воплощается в представлениях о стратегии будущего развития общества (например, образы дороги, локомотива). В дипломатии метафора пути широко распространена: дорожная карта, пошаговая дипломатия. Метафоры болезни и разрушения предупреждают об угрозах для общества, рисуют образ врага (другого, чуждого). Консолидация против угрозы (явной либо воображаемой) воплощается в метафорах справедливой, славной войны, противостояния против вероломной агрессии, «холодной войны». Пример «зоологических» метафор – «ястребы и голуби».

В основе «расшифровки» метафор массовым сознанием лежат фреймы, понимаемые как типизированные структуры восприятия окружающего мира. Применительно к международным отношениям используются фрейм конфликта и фрейм «игры». Примером фрейма конфликта является увязывание имени какого-либо политика с Гитлером (имя последнего используют как «метафорическую оболочку, которая передает основной набор характеристик, включающий референтную модель “война”») [6, с.10-11]. Фрейм «игры» представляет международные отношения по аналогии со спортивными

соревнованиями, где, как известно, с одной стороны «главное не победа, а участие», а с другой – «побеждает сильнейший». Метафора политики как спортивного сражения в научном и публичном дискурсе переплетается с репрезентацией политического противостояния с помощью теории игр: игры с нулевой суммой и игры с ненулевой суммой.

М. Маркс провел исторический экскурс использования метафор в сфере международных отношений. Так, в средние века государства описывались как «места на карте» [10, с.162]. В 18 веке термин «сообщество государств» возник под влиянием биологических аналогий. Более поздние метафоры описывают международные отношения как «сеть» с «темными углами и темными тенями» [10, с.166]. М. Маркс показывает метафоричность словосочетаний «война с наркотиками», «война с терроризмом».

Применение метафор сопрягается с использованием прецедентных имен. Речь идет об именах, которые стали символическими, отражают определенную совокупность качеств, получили широкую известность. Например: Наполеон, Александр Невский, Тарас Бульба, Кастусь Калиновский.

Еще одним речевым приемом, активно применяемым в политическом дискурсе, являются эвфемизмы. В публичных высказываниях используются смягченные, завуалированные формулировки. Данный прием оправдан ради сохранения политической корректности, он уместен в дипломатической лексике, когда резкие высказывания заменяются нейтральными. Так, когда невозможно заявить о прямой поддержке политических действий, то используют фразы «отнестись с пониманием», «выразить глубокую озабоченность», «нельзя оставаться безучастными к событиям...».

Однако эвфемизмы легко превращаются в манипулятивный прием в массовой коммуникации. Приведем примеры. Слово «пытки» заменяется фразой «жесткие методы допроса» (применялись ЦРУ к подозреваемым в терроризме). Подводя итоги крайне беспокойного для мировой безопасности 2014 г., журналисты отметили, что в заявлениях ряда политиков либо их пресс-секретарей «слова “ложь” или “вранье” ... заменялись на эвфемизмы “ошибки перевода”, “вырвано из контекста” или на банальное “память подвела”» [2]. Еще один пример: «Циничная фраза “Труд освобождает” (*Arbeit macht frei*) стала наглядным примером эвфемизма и преуменьшения в нацистской пропаганде и напоминанием о невообразимых муках заключенных концлагерей» [4].

Ряд авторов (С.Г. Кара-Мурза, И.В. Жуков) показывают, что в политическом дискурсе (и в дискурсе СМИ особенно) понятие «война» часто замалчивается, не называется своим именем, а взамен используются: «конфликт низкой (или высокой) интенсивности», «гуманитарная операция», «антитеррористическая операция» [1]. Уместным будет сравнение терминов «агрес-

сия» и «принуждение к миру». Конкретные субъекты политики и СМИ в зависимости от идеологической приверженности используют ту или иную терминологию. Но вне зависимости от идеологической позиции «дискурсивные основы любой современной войны представляют собой мощное и эффективное средство достижения информационного, политического, идеологического и экономического господства» (высказывание И.В. Жукова) [1].

Применение аллюзий в политическом дискурсе является искусством намеков на исторические события и факты, литературных героев. Аллюзии могут быть облечены в невербальную форму. Аллюзии применяла Мадлен Олбарайт, надевая разные броши. Не обходится политический дискурс и без оксюморонов – своего рода стилистических ошибок, когда в одном словосочетании совмещают несовместимое: «принципиальная беспринципность» (А. Троицкий), «партнеры-недоброжелатели» (М. Ремизов), «миролюбивый ястреб войны», «агрессивный миротворец». Оксюмороны могут использоваться для того, чтобы вызвать когнитивный диссонанс, подтолкнуть к пересмотру сложившихся стереотипов, а также как сатирический прием.

Хорошо известный прием «навешивания ярлыков» в современном политическом дискурсе эффективно используется в форме «стигматизации»: с политическим лидером или политической силой увязывают представления о неком социальном неблагополучии, пороке («стигме» как кровоточащей ране). Далее следует прием монополизации понятий и имен [6, с.39]. Сравним: «народное сопротивление, силы самообороны» и «провокаторы, наемники, сепаратисты, экстремисты, террористы».

Отдельное внимание в политическом дискурс-анализе уделяют прессупозициям, которые выглядят как обычные утверждения, но формулируются так, чтобы не вызывая сомнений, дать адресату установку на определенное действие. В противовес концепту безопасности как гармонии и мира формируются так называемые «пресуппозиции опасности» – это «предостережения, закодированные в тексте», «угрозы безопасности». Пресуппозиции в сочетании с монополизацией понятий и имен формируют стандартизированные взгляды и стереотипы.

Когда нет смысла прибегать к политически корректным приемам, используют аксиологическую поляризацию (дихотомическое представление реальности с использованием негативных оценочных категорий). Могут использоваться просторечные, диалектные и даже жаргонные слова. Резкие, провокационные заявления иногда называют «языковым экстремизмом» [11, с.37].

Итак, внутривнутриполитические процессы и международные отношения можно эффективно исследовать посредством дискурс-анализа (в том числе исследования специальных лингвистических приемов). А. Бенки провел дис-

курс-анализ концепта безопасности в трактовке НАТО. Согласно А. Бенки, НАТО во время «холодной войны» удалось выработать общее чувство политической и культурной идентичности всех государств-членов [11, р.3]. Развитие НАТО рассмотрено А. Бенки через призму теории «друзей-врагов» Карла Шмитта и связывается с меняющимися угрозами, которые не могут быть четко пространственно определены и ограничены. После событий 9/11 альянс все больше концентрируется на таких международных угрозах, как терроризм, кибер-атаки, неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения [12]. После окончания «холодной войны» и в связи с расширением альянса значимость общей идентичности возросла. В то время как вступление государств Центральной и Восточной Европы в НАТО представлено в формате их полной интеграции, Россия получила роль многолетнего аутсайдера. Государства «Юга» для альянса представлены как «пространство фундаментализма, иррациональности и авторитаризма» [12].

Т. Аарскауг (Т. Aarskaug) на основе дискурс-анализа публикаций в российских газетах о НАТО за период 2004 – 2010 гг. делает вывод, что одно из важных разногласий РФ и НАТО связано с расширением влияния альянса на постсоветские республики [8, р.83]. Непосредственная близость стран-членов НАТО к границам России воспринимается как потенциальная опасность, а отношения с альянсом воспринимаются как ненадежные из-за нарушения обещания, данного Горбачеву о не-расширении НАТО на Восток...» [8, р.85]. Отношения Россия-НАТО развиваются волнообразно (рост и снижение напряженности) [8].

Л. Купидо (L.Cupido) проведен дискурс-анализ формирования идентичности НАТО во время кризисов в Абхазии, Южной Осетии и Крыму и сделан вывод, что в официальной реакции на кризисы НАТО фокусируется на таких понятиях, как суверенитет и территориальная целостность, международное право [12, р.20]. Риторика НАТО в период присоединения Крыма к РФ содержит такой дискурсивный прием, как дихотомии, а также ссылки на проблемы безопасности и подчеркивает идею коллективной защиты [12, р. 22].

Речевые приемы эффективны только при достаточном уровне доверия к источнику информации. Если доверия нет – нет и ожидаемого воздействия. Столкновение политических публичных дискурсов, построенных на основе применения тех или иных специальных приемов, зачастую приводит не к достижению понимания, а к коммуникативным недоразумениям. Применение дискурс-анализа в исследовании современных международных отношений на эмпирических массивах текстовых данных – весьма продуктивная методология, которая позволяет выявлять подлинные смыслы физических ак-

ций и самих вербальных высказываний, зашифрованных с помощью сложных лингвистических приемов.

Дискурс проблем международной безопасности политизирован: понимание безопасности может постулироваться как посредством миролюбивой, так и посредством воинственной риторики. Дискурс-анализ может помочь сторонам лучше понять друг друга. Но ведущую роль играет политическая воля, основанная на сбалансированности интересов сторон.

Литература

1. Жуков И.В. Война в дискурсе современной прессы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm – Дата доступа: 11.10. 2014.
2. Калтыгина А. «Все лгут». Как обманывали мир политики и дипломаты в 2014 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/world/429582.html> – Дата доступа: 11.10. 2014.
3. Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. - 2011.- № 3. - с.24-35.
4. Ондрускова И., Польская К. Кому понадобилась кованая дверь бывшего лагеря смерти? // DW. 04.11.2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/кому-понадобилась-кованая-дверь-бывшего-лагеря-смерти/a-18038926> – Дата доступа: 11.10. 2014.
5. Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Вып. (1) 24. – Екатеринбург, 2008. – 184 с.
6. Политическая лингвистика. / Гл. ред. А.П.Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т; Вып. (3)23. – Екатеринбург, 2007. – 190 с.
7. Степанов А.А. Война и мир в смысловом пространстве философии: методологический аспект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psibook.com/philosophy/voyna-i-mir-v-smyslovom-prostranstve-filosofii-metodologicheskiiy-aspekt.html> – Дата доступа: 11.10. 2014.
8. Aarskaug T. The Russian NATO discourse. An analysis of perspectives on the North Atlantic Treaty Organization in Russian newspapers. – University of Oslo, 2011. – 109 p. – [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/33966> – Date of access: 15.12.2014.
9. Alvarez J. E. Re-thinking (in)security discourses from a critical perspective. – Asteriskos. 2006. 1/2. p. 61-82. – [Electronic recourse]. – Mode of access: http://echavarria.wissweb.at/fileadmin/echavarria/Rethinking_insecurity_Asteriskos_01.pdf – Date of access: 15.12.2014.

10. Marks M. P. *Metaphors in International Relations Theory*. – Palgrave MacMillan, 2011. – 257 p.

11. Behnke A. *NATO's Security Discourse after the Cold War: Representing the West*. – Palgrave Macmillan , 2012. – 248 p.

11. Behnke A. *NATO's Security Discourse after the Cold War – Representing the West*. Rewire on the book. 2013. – [Electronic recourse]. – Mode of access: <http://www.exploringgeopolitics.org/andreas-behnke-nato-s-security-discourse-after-the-cold-war-representing-the-west/> Date of access: 10.01.2015.

12. Cupido L. *A discourse analysis of NATO's identity formation during the crises in Abkhazia, South Ossetia and Crimea*. – Universiteit Leiden, 2014. – 26 p. – [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/28681> – Date of access: 15.12.2014.

ПОЛИТИКА АССОЦИАЦИИ ЕС В ОТНОШЕНИИ УКРАИНЫ (2014 Г.): УКРАИНСКИЙ СТРЕСС-ТЕСТ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*П.А. Барахвостов, Белорусский государственный университет,
магистрант*

Важнейшим фактором геополитического лидерства выступает возможность осуществления контроля над энергетическими ресурсами или же свободный доступ к ним. Диверсификация импорта нефти и газа является ключевым приоритетом для обеспечения энергобезопасности стран-членов ЕС. В связи с этим отношения с Украиной, являющейся связующим звеном всех энергетических коридоров и транспортных коммуникаций из стран Закавказья и Центральной Азии в ЕС в обход России, всегда оставались в фокусе внешней политики Евросоюза. С другой стороны, для России Украина имеет особое значение: страны связаны тесными экономическими, социальными, этническими, культурными, историческими узами. Поэтому политика ассоциации, проводимая Евросоюзом в отношении Украины на протяжении 2007-2013 гг., встретила активное неприятие России.

В ноябре 2013 г., после отказа президента Украины В. Януковича на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе подписать Соглашение об ассоциации, в Киеве вспыхнули массовые беспорядки, и после трех месяцев жесткого противостояния в феврале 2014 г. произошла смена власти. 21 марта 2014 г. была подписана политическая часть Соглашения об ассоциации, а 27 июня - его экономический раздел.

Подписание Соглашения вызвало неоднозначную реакцию в украинском обществе. 16 марта 2014 г. был проведен общекрымский референдум о статусе Крыма, на основании результатов которого, а также принятой Верховным Советом Крыма Декларации о независимости провозглашена независимая Республика Крым, подписавшая с Россией договор о вхождении в состав Российской Федерации [1].

1 марта 2014 г. одновременно в нескольких крупных городах, включая Донецк, Луганск, Харьков, Одессу, начались массовые демонстрации противников киевской власти. Однако попытки начать про-российскую революцию в Харькове и Одессе провалились, закончившись одесской трагедией 2 мая. Иначе сложилась ситуация в Донбассе, где в апреле 2014 г. было провозглашено образование независимых Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР). После захвата сепаратистами Славянска начались активные боевые действия между ДНР и ЛНР с одной стороны и Украиной – с другой. Развернулась информационная война. Офи-

циальный Киев обвинял Россию в оказании военной помощи Донбассу. В середине июня 2014 г. произошла полная остановка поставок российского газа в Украину [5], что значительно осложнило экономическую ситуацию в стране.

В конце августа 2014 г. ситуация в Юго-Восточной Украине обострилась до предела. По информации ряда западных СМИ, 24 августа 2014 г. несколько тысяч военнослужащих регулярной российской армии, вооруженных танками и тяжелым оружием, пересекли границу Украины. ЕС и США обвинили Россию в открытой военной поддержке сепаратистов. Ситуация в Украине превратилась в реальную угрозу безопасности в Европе.

5 сентября 2014 г. под давлением международного сообщества и при активном содействии переговорному процессу Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко конфликтующими сторонами были подписаны Минские соглашения о прекращении огня [2]. Однако, к сожалению, мир на украинской земле не наступил; достигнутые соглашения нарушаются обоими участниками вооруженного конфликта. До сих пор в Донбассе гибнут мирные жители.

События в Украине вызвали опасения стран Балтии (Эстонии, Латвии, Литвы), где проживает значительное количество этнических русских и русскоговорящих граждан, по поводу возможности повторения украинского сценария и на их территории. Свою обеспокоенность по поводу ситуации в Украине высказали Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария – страны, находящиеся в непосредственной близости от охваченной гражданской войной страны. Втянутость России в конфликт обусловила изменение позиций Финляндии и Швеции, а также ряда балканских стран по поводу их сотрудничества с НАТО и США (в пользу последних), а также резкое ухудшение имиджа РФ на международной арене.

В целом, украинские события вызвали кризис системы европейской безопасности, проявлениями которого стали: решение ряда европейских стран (Польши, Румынии, Литвы, Швеции) существенно увеличить их собственные расходы на безопасность; готовность некоторых стран НАТО отправить свои ограниченные военные контингенты в государства восточного фланга ЕС; прекращение политического диалога в рамках Совета Россия – НАТО. Кроме того, в соответствии с решениями Саммита НАТО в Ньюпорте предполагается размещение в странах восточного фланга ЕС группировки сил быстрого реагирования НАТО, а также перевооружение сил альянса [4]. Следует отметить, что принятие решений в Ньюпорте не было легким. Ряд государств-членов НАТО, в том числе Германия, считают, что эскалации российско-украинского конфликта следует избегать любой ценой; НАТО не должно провоцировать Россию военным присутствием вблизи ее границ.

Кроме того, продолжают оставаться актуальными политические обязательства альянса в рамках Основополагающего акта «Россия-НАТО» 1997 г. о сдерживании базирования сил НАТО в Центральной Европе [3]. И в целом, наличие серьезного военного противостояния в Европе крайне опасно и чревато разрастанием военного конфликта.

Как представляется. В отношении урегулирования кризиса системы европейской безопасности возможны два подхода:

1. За основу урегулирования взять предложения, выдвигаемые Россией: обеспечить гарантии сохранения внеблокового статуса Украины, изменить соглашение о зоне свободной торговли Украины и ЕС, предоставить правовые гарантии культурной или даже политической автономии русскоязычного населения в Украине.

2. Продолжать осуществлять подход, сформированный государствами Запада: сдерживать Россию путем сохранения и расширения санкций против нее, продолжить оказание Украине политической, экономической и военной поддержки, усилить военный потенциал НАТО, включая его восточный фланг.

На сегодняшний день западные страны руководствуются вторым подходом. Вместе с тем, обнадеживает вступление ведущих западных стран в политический диалог с Москвой, которая сыграла важную роль в установлении режима прекращения огня.

Таким образом, в 2014 г. политика ассоциации ЕС в отношении Украины претерпела ряд изменений: ее приоритетным направлением стало оказание помощи в обеспечении мира. Подписание Соглашения об ассоциации Украины с ЕС и последовавшие за ним события вызвали кризис системы европейской безопасности, преодоление которого возможно в результате урегулирования ситуации в Украине и нормализации отношений между Россией и Западом.

Литература

1. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/20605>. – Дата доступа: 01.12.2014.

2. Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента

России В. Путина / Коммерсант.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2562133>. – Дата доступа: 01.12.2014.

3. Founding Act on “Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation”, 27.05.1997 / NATO [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_25468.htm. – Date of access: 27.11.2014.

4. Policy paper “Our 5 priorities for the NATO Summit Wales 2014”/ NATO [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/our-5-priorities-for-the-nato-summit-wales-2014/our-5-priorities-for-the-nato-summit-wales-2014>. – Date of access: 27.11.2014.

5. The Russia/Ukraine/EU gas agreement, 5.11.2014 // The Centre for Eastern Studies [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2014-11-05/success-russia/ukraine/eu-gas-agreement>. – Date of access: 27.11.2014.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗНОВЕКТОРНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

*Г. М. Бровка, Белорусский национальный технический
университет, доцент*

В современных условиях для надежного обеспечения безопасности мирового сообщества, кроме использования возможностей военно-политических структур НАТО, ОДКБ, также необходимо объединение усилий государств, международных организаций по противодействию транснациональным угрозам в политической, финансово-экономической, энергетической, экологической, социальной сферах. Эффективная международная коллективная безопасность – единственный путь решения вопросов стабильности в мире и отдельных регионах. Она формируется путем создания и укрепления международных институтов, прежде всего через развитие ООН и дальнейшее совершенствование международного права. В настоящее время система обеспечения международной коллективной безопасности представляет собой организационную форму и комплекс согласованных совместных мер всех или большинства государств мира, имеющих целью поддержание или восстановление международного мира и безопасности, а также защиту жизненно важных интересов государств от угроз. В соответствии с потребностями международного сообщества в рамках системы обеспечения международной коллективной безопасности формируются такие структуры как, система обеспечения международной военно-политической безопасности, международная система обеспечения устойчивого развития и мониторинга окружающей среды, система обеспечения международной энергетической безопасности.

Мировой финансовый, а затем и экономический кризисы стимулировали деятельность по созданию международной системы противодействия финансово-экономическим кризисам и защиты мировой экономики от транснациональных угроз. Этот процесс сопровождается консолидацией усилий ведущих экономик мира, возникновением новых и расширением функций уже существующих международных структур. В формирующуюся систему противодействия финансово-экономическим кризисам входят G7, G20, региональные объединения государств, а также страны, являющиеся членами G7 и G20 (Рис. 1).

Современная мировая экономика отличается углублением и расширением интеграционных процессов. Региональная интеграция рассматривается государствами в качестве механизма стабилизации, повышения устойчиво-

сти, эффективности, конкурентоспособности национальных экономик. Основными региональными объединениями государств являются Европейский Союз (ЕС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Лига арабских государств (ЛАГ), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), БРИКС – Группа из пяти быстро развивающихся стран Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики, Организация африканского единства (ОАЕ), Организация американских государств (ОАГ). Они осуществляют сотрудничество в политической, экономической, энергетической, инновационной и гуманитарной и иных сферах. Именно на региональном уровне особенно наглядно проявляются все плюсы и минусы глобальной экономики, усиление многосторонней взаимозависимости. Проводя антикризисную политику на национальном уровне, необходимо уделять возрастающее внимание международному сотрудничеству, и прежде всего на региональном уровне.

Рисунок 2 – Схема международной системы противодействия финансово-экономическим кризисам и защиты мировой экономики от транснациональных угроз

Мировая экономика сегодня функционирует в условиях кризиса перепроизводства. Количество товаров, которое производится в мире, по некоторым оценкам в 1,5 - 2 раза превышает возможное их потребление. И это ощущают, прежде всего, экономики стран-производителей, а не экспортеров сырьевых ресурсов. В таких условиях недостаточно просто произвести продукцию.

Ситуация осложняется и защитными мерами стран импортеров, которые всеми доступными способами ограждают внутренний рынок для своих производителей. При этом интересно, что таможенный тариф в большинстве стран-производителей утрачивает свою защитную функцию. Средневзвешенная ставка таможенного тарифа в таких странах не превышает 10% для сельскохозяйственной продукции и 5% - для иных товаров. Это уже не защитный, а фискальный тариф. Гораздо более действенным инструментом становятся технические барьеры в виде требований к производителю и его товару.

В этих условиях перед странами-производителями стоят две очевидные задачи:

1. Создание условий для экспорта производимой продукции путем как формирования вышеупомянутых условий продажи в странах импорта, так и снятия или нивелирования влияния барьеров, существующих в этих странах.
2. Сохранение максимальной защиты внутреннего рынка товаров, производимых в стране.

Особенно в сложном положении оказались все без исключения (безусловно в разной степени) постсоветские государства, как вошедшие в Европейский союз, так и члены Евразийского экономического союза, но в первую очередь Украина, Молдова и Грузия. Односторонняя ориентация экономик, использование только одного вектора развития является, очевидно, недальновидной и неэффективной стратегией. Развитие мировой торговли настоятельно требует устранения препятствий для экономических связей, их многовекторности и тем самым обеспечения экономической безопасности стран и региональных объединений.

Решать эти задачи можно только путем интеграции. Региональная интеграция - это наиболее доступный и эффективный инструмент сегодня. Остаться за бортом таких интеграционных процессов – допустить гибель производства в стране из-за крайне ограниченного спроса. Европейская интеграция интеграций – от Лиссабона до Владивостока - не утопический лозунг, а вероятный ответ на возникающие глобальные вызовы и угрозы.

Как показывает анализ практики обеспечения международной безопасности, для своевременного и эффективного реагирования на кризисы и уст-

ранения факторов, создающих угрозы интересам человека, общества, государства, обеспечения их безопасности в границах региональных объединений стран происходит формирование и легитимизация международных региональных институтов безопасности, представляющих собой политический, военный, экономический механизм, позволяющий реализовать объективную, естественно-историческую природу развития социально-экономической системы регионального уровня и исключая возникновение препятствий на этом пути. В соответствии с мировыми тенденциями развиваются такие процессы как:

- выделение, системное оформление, легитимизация международных региональных политических, военных, экономических, энергетических, социальных, экологических подсистем безопасности;
- определение их функций и полномочий, формирование сил, механизмов, инструментов, ресурсов для обеспечения международной безопасности на региональном уровне;
- создание нормативной правовой базы, регулирующей правоотношения в сфере международной региональной безопасности;
- становление экономической подсистемы как материальной основы всей системы региональной безопасности.

Законодательное, международно-правовое закрепление получают такие важнейшие функции международных региональных систем безопасности, как формирование, согласование, реализация региональных целей и приоритетов развития; адекватное реагирование на вызовы современного мира, эффективное отражение угроз региональным и национальным интересам; сохранение основных системных свойств региональных объединений государств (целостность, устойчивость, способность к воспроизводству и развитию); гармонизация и эффективная реализация макросистемы «политика – экономика – право – информация – экология»; гармонизация отношений региональной социально-экономической системы с системой мирохозяйственных связей.

Международные региональные системы безопасности представляют собой организационные формы сотрудничества государств определенного географического района, необходимые для осуществления совместных мер по предотвращению и устранению угроз и обеспечению мирного политического и социально-экономического развития. В числе уже оформившихся региональных структур безопасности следует назвать НАТО, ОБСЕ и ЗЕС – в Европе, ОДКБ – в СНГ, СВМДА – в Азии, и другие.

Беларусь, Казахстан и Россия, создавая Таможенный союз, а теперь и Евразийский экономический союз, идут по пути организации эффективного

интеграционного объединения, способного решать, прежде всего, экономические задачи, стоящие перед данными странами.

Беларусь последовательно придерживается позиции о необходимости создания полноценного интеграционного экономического объединения. И хотя наши партнеры называют 2025 год годом полной отмены барьеров, этот процесс необходимо ускорять. В противном случае мы будем постоянно проигрывать иным региональным объединениям и те цели, которые мы ставили перед собой в начале пути, не будут достигнуты или будут достигнуты слишком поздно.

Одной из важнейших задач всех без исключения региональных объединений является обеспечение энергетической безопасности, включающей в себя в свою очередь все аспекты и развития, и безопасности: то есть политический, военный, экономический, научно-технологический, экологический, социальный и т.п.. Транснациональные вызовы, угрозы и риски в этой сфере как ни в какой другой велики. Обеспечение как национальной безопасности всех без исключения государств, так и региональных объединений зависит от множества факторов. основополагающим, фундаментальным фактором здесь будет являться эффективность использования ограниченных одной планетой имеющихся энергетических ресурсов.

Обладание ресурсами и наличие топливно-энергетического комплекса (ТЭК) не являются гарантией успешного развития страны или группы стран и обеспечения их безопасности. Например такой показатель как количество израсходованной нефти на 10 000\$ ВВП: Норвегия 110литров, Беларусь 453л. Главными драйверами роста и развития экономики становится человеческий капитал и порождаемые им инновации. Бурный научно-технический прогресс и стремительное нарастание информационного потока, не только способствуют повышению производительности и качества труда, росту благосостояния и интеллектуального потенциала общества, но и ведут к появлению большого количества новых угроз как для отдельной человеческой личности, так и для государства в целом. Только многовекторность интеграционных процессов даже в условиях разностороннего движения, только развитие мировой торговли, только транспарентность и открытость экономик и внешнеэкономических связей, а не замкнутость и противостояние способно обеспечить Европе повышение благосостояния ее граждан, стабильность, мир и процветание.

США, ЕВРОСОЮЗ И НАТО В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*О.М. Бычкова, общественное объединение «Центр изучения
внешней политики и безопасности», исследователь*

2014 год оказался богатым на события. Украинская тематика доминировала в международной повестке. События в трансатлантическом регионе во многом зависели от развития ситуации в Украине, нередко напрямую определялись ей. Ввиду противоречий между основными игроками евроатлантического сообщества по поводу антироссийских санкций вопрос о характере разногласий и перспективах развития сотрудничества между США, Евросоюзом и НАТО приобрел особую актуальность.

Развитие событий в Украине с начала протестных выступлений в Киеве в ноябре 2013 года сформировало для стран-членов Европейского союза и Североатлантического альянса новую геополитическую реальность. Во-первых, украинский конфликт наглядно продемонстрировал неэффективность существующей системы региональной безопасности и неспособность даже основных ее игроков договориться о единых для всех «правилах игры» в международной системе. По оценке бывшего Генерального секретаря НАТО А. Ф. Расмуссена, данной им в марте 2014 года, Украина стала «самой серьезной угрозой евроатлантической безопасности и стабильности со времени окончания холодной войны» [6]. Во-вторых, международный кризис вокруг Украины подтвердил императивность трансатлантических связей для американской внешней политики и усилил «завязанность» Соединенных Штатов на проблемы Евроатлантического региона. Американскому «возвращению в Европу» предшествовал период 2000-х гг., на протяжении которого интерес Вашингтона к европейским делам существенно снижался. Ключевыми элементами нового уровня взаимодействия между США, ЕС и НАТО в 2014 году стали рост вовлеченности США в европейскую безопасность и оборону, с одной стороны, и консолидация союзников по Североатлантическому блоку — с другой.

Украинский кризис, ставший одним из важнейших элементов трансатлантических отношений, послужил усилению американского военно-политического присутствия в Европе.

В результате курса Вашингтона на использование элементов экономической дипломатии против России экономические инструменты внешней политики заняли видное место во внешнеполитическом арсенале западных стран. Обозначилась тенденция, при которой инициатором введения ограничительных мер стало руководство США, под давлением которого к санкци-

онным кампаниям присоединились страны Евросоюза. Б. Обаме «пришлось поставить Европу в неловкое положение, чтобы она с риском понести экономический ущерб действовала против России», — отмечал вице-президент США Д. Байден в октябре 2014 года [4]. При этом внутри ЕС сложилась устойчивая коалиция, выступающая за жесткий антироссийский курс. Ее костяк составили традиционно атлантистски настроенные Великобритания, Румыния, Польша, Швеция, а также страны Прибалтики. Более сдержанные позиции в отношении введения санкций заняли Венгрия, Германия, Италия и другие страны, имеющие тесные экономические контакты с Москвой и опасющиеся серьезного негативного воздействия на национальные экономики. Удерживая ключевую роль в координации действий западных стран по украинскому вопросу, США тем самым обеспечили сохранение американского лидерства в Европе. Как представляется, Вашингтон в первую очередь стремится определять общую повестку ЕС и НАТО, формулировать совместные цели и выработать согласованный подход, предоставляя при этом Европейскому союзу нести основное бремя финансовых расходов и дипломатических усилий. По мнению Д. Байдена, экономический ущерб европейских стран оправдан, поскольку «трансатлантические отношения требуют вложений и жертв по обе стороны Атлантики» [4].

В рассматриваемый период энергетический фактор стал наиболее чувствительным вопросом для европейских стран в разрастающемся международном кризисе вокруг Украины. Глубокая взаимозависимость между Россией и ЕС в энергетической области побуждала европейские страны к осторожности при определении мер давления и расширения масштаба применяемых санкций. Даже во время «санкционной войны», разразившейся летом 2014 года, сохранялся плюрализм мнений европейских стран, отражающий разногласия, прежде всего, относительно возможной цены сворачивания энергетических связей с Россией.

Ключевое значение в совместной стратегии США и ЕС в отношении антироссийских санкций имел транснациональный проект «Южный поток». Основная цель газопровода — перенаправить транзитные потоки газа, идущие в Италию и Центральную Европу, в обход Украины по дну Черного моря. В 2013 году началось строительство сухопутных участков в России, Болгарии и Сербии, а первая очередь газопровода должна была быть введена в строй к декабрю 2015 года. Как отмечали эксперты, правительства многих стран региона оказались меж двух огней — «Газпромом» и Европейской комиссией: если российский газовый гигант склонял партнеров к продолжению строительства газопровода, то руководство ЕС предпринимало попытки заблокировать проект [3]. Таким образом, европейские страны столкнулись с необходимостью стратегического выбора: либо отказаться от проекта с це-

лью политической и экономической поддержки Украины, приняв при этом на себя экономические риски, либо дать ему реализоваться, тем самым избавив себя от этих рисков, но и существенно подорвав экономическое положение Украины (в 2013 году ее доход от транзита газа составил 3,6 млрд долл.), а также допустив усиление позиций России [2].

На протяжении 2014 года ни у руководства США и Европейского союза, ни у лидеров отдельных государств-членов ЕС не наблюдалось единой позиции по данному вопросу. В попытке склонить европейских партнеров в пользу ценностного подхода США предложили план замещения российских поставок природного газа в Евросоюз своим сланцевым газом, который дороже по себестоимости, но удобнее для транспортировки. Данный вариант, тем не менее, не предлагает исчерпывающего решения энергетической проблемы ЕС. Помимо того, европейским компаниям представляется стратегически невыгодным подводить под санкции поставки углеводородов из России, по крайней мере до тех пор, пока не гарантированы замещающие поставки. Новым обстоятельством становится активизация крупного европейского бизнеса, понесшего с введением ограничительных мер многомиллионные убытки.

Пока руководство Евросоюза находилось в поиске новой концептуальной основы отношений с Россией, против санкций активно выступила Италия, наиболее заинтересованная в разблокировании процесса по реализации газопровода. Болгария официально отказалась от участия в строительстве газопровода только после визита американской делегации в июне 2014 года. Следует также упомянуть заключение «Газпромом» и австрийской «OMV» соглашения о совместной проектной компании «South Stream Austria GmbH». Решающим шагом, который подвел черту под затяжным спором по поводу проекта, стал отказ России 1 декабря 2014 года от продолжения реализации «Южного потока» из-за неконструктивной позиции Евросоюза и подписание меморандума с Турцией о переориентации морского газопровода из Болгарии в Турцию. Решение российской стороны потребовало от стран ЕС срочно диверсифицировать как пути поставок, так и источники энергоресурсов для нужд европейской экономики. Очевидно, что «Южный поток» стал причиной разногласий внутри Евросоюза, а итоги переговоров в Анкаре — свидетельством размывания трансатлантической солидарности. Давление со стороны США и Евросоюза в вопросе об антироссийских санкциях не помешало Турции осознать собственный интерес и заключить выгодный газовый контракт. Можно предположить, что при нахождении альтернативы российскому газу без угрозы энергобезопасности Европы, а также в случае возобладания в Брюсселе геополитических соображений над экономическими, можно ожи-

дать дальнейшего сокращения импорта российских энергоресурсов (преимущественно газа и частично нефти) со стороны ЕС.

Согласовать позиции президента США и европейских лидеров в условиях новых вызовов безопасности был призван саммит НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 года. Данная встреча на высшем уровне стала первой после завершения «холодной войны», к участию в которой не пригласили российскую делегацию. Саммит Североатлантического союза был посвящен двум темам: выработке согласованных действий по украинскому конфликту и поиску долгосрочного ответа на угрозы со стороны «Исламского государства». Примечательно, что итоговая пресс-конференция президента США на 90% была посвящена ситуации вокруг Украины [5].

Главным итогом саммита стало согласование «Плана действий по оперативному реагированию», призванное укрепить восточные рубежи альянса. Решение подразумевает создание специальной передовой группы высокой готовности в составе сил быстрого реагирования НАТО численностью около 4 тыс. человек со штабом в Варшаве, принять которую готовы Польша, Румыния и страны Балтии. Боевой авангард, получивший название «Острие копья» (англ. Spearhead Force), должен быть готов к выполнению операций в течение 2–3 дней [7]. Интересно, что данный план председатель российского Совета по внешней и оборонной политике Ф. Лукьянов называет результатом компромисса между государствами, требовавшими денонсации основополагающего акта (Россия–НАТО от 1997 года о размещении постоянных военных баз НАТО в Восточной Европе), и сторонниками осторожной линии. Эксперт отметил, что в декларации НАТО речь идет не о постоянном, а о непрерывном размещении сил, которые могут быть дислоцированы в течение 48 часов, но постоянной группировки составлять не будут [1]. Согласно «Плану оперативного реагирования», толкование Ст. 5 Североатлантического договора впервые расширено на кибербезопасность: отныне не только вооруженное, но и кибернападение на одного из участников НАТО рассматривается как атака на весь альянс.

Предметом дискуссий между США и союзниками вновь стал уровень оборонных расходов стран-членов ЕС. По результатам саммита европейцы обязались больше не сокращать, но приступить к наращиванию расходов на оборону и принять меры, чтобы довести военные бюджеты до 2% ВВП. Отметим, что в 2013 году необходимый порог требований НАТО преодолели только США, Великобритания, Греция и Эстония. Кроме этого, было принято обязательство в течение ближайших 10 лет тратить не менее 20% расходовемых средств на ключевые военные разработки [7].

Можно заключить, что в 2014 году Вашингтон приложил максимум усилий, чтобы выработать согласованную позицию США и европейских

стран и добиться принятия мер по свертыванию контактов ЕС с Россией, в особенности в энергетической сфере. Принятые на саммите в Уэльсе решения соответствуют курсу американской политики на «более справедливое распределение» рисков и обязанностей среди государств-членов НАТО и укрепление трансатлантической связи. Как представляется, усилия США направлены на то, чтобы продолжить перенастройку трансатлантических отношений с учетом более умеренной, экономной глобальной стратегии. В данной связи осмысление новой роли Североатлантического альянса в изменившемся контексте международной безопасности необходимо рассматривать в увязке с заинтересованностью Вашингтона в повышении значимости Европы в качестве сильного партнера, в равной степени разделяющего с ним ответственность за международную безопасность. Ключевым остается тот фактор, что Соединенные Штаты имеют глобальные интересы и ответственность, а европейские страны — преимущественно региональные. С учетом этого приоритетом Вашингтона в перспективе может стать поиск общей платформы, способной обеспечить более равноправное разделение ответственности в вопросах обеспечения международной безопасности. Способность США навязать европейским союзникам широкий геостратегический консенсус в области безопасности, географически расширить «зону ответственности» НАТО и повысить уровень вовлеченности союзников в решение задач по поддержанию стратегической стабильности в отдаленных регионах мира представляет собой главный вызов долгосрочному стратегическому планированию в рамках НАТО.

Литература

1. Артемьев, А. Копье для России: о чем договорились страны НАТО в Уэльсе, 07.09.2014 / А. Артемьев // Информационное агентство «РБК» [Электронный ресурс]. – 2014. – 7 сент. – Режим доступа : <http://top.rbc.ru/politics/07/09/2014/947480.shtml>. – Дата доступа : 01.12.2014.
2. Белогорьев, А. Энергетическое сотрудничество и санкции – политика медленного удушения / А. Белогорьев // Российский Совет по международным делам [Электронный ресурс]. – 2014. – 27 марта. – Режим доступа : http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3399#top. – Дата доступа : 01.12.2014.
3. Чернова, В. Болгария: новая коалиция и будущее «Южного потока» / В. Чернова // Российский Совет по международным делам [Электронный ресурс]. – 2014. – 17 ноября. – Режим доступа : http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4778#top. – Дата доступа : 01.12.2014.
4. Biden, J. Remarks by the Vice President at the John F. Kennedy Forum (Harvard Kennedy School, October 03, 2014) / J. Biden // The White House

[Electronic resource]. – 2014. – 3 Oct. – Mode of access : <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/10/03/remarks-vice-president-john-f-kennedy-forum>. – Date of access : 05.10.2014.

5. Obama, B. Remarks by President Obama at NATO Summit Press Conference, Newport, Wales, September 05, 2014 / B. Obama // The White House [Electronic resource]. – 2014. – 5 Sep. – Mode of access : <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/05/remarks-president-obama-nato-summit-press-conference>. – Date of access : 07.09.2014.

6. Rasmussen, A. F. Why NATO Matters to America : Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Brookings Institution, 19 Mar. 2014 / A.F. Rasmussen // NATO [Electronic resource]. – 2014. – 19 March. – Mode of access : http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_108087.htm?selectedLocale=en. – Date of access : 25.03.2014.

7. Wales Summit Declaration : Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales, 05 Sep. 2014 // NATO [Electronic resource]. – 2014. – Press Release (2014) 120, Issued on 05 September 2014. – Mode of access : http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm#RAP. – Date of access : 07.09.2014.

**РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ
ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ:
ПРИМЕР СТРАН БАЛТИИ**

*А.А.Володькин, Институт истории НАН Беларуси,
старший научный сотрудник*

Одной из интересных особенностей процесса интеграции стран Балтии в евроатлантическое сообщество стало развитие регионального балтийского сотрудничества в военной сфере. Воплощением этого сотрудничества стал целый ряд региональных проектов, реализованных начиная с середины 1990-х гг. Говоря о причинах и целях его развития, можно выделить следующие мотивы. Во-первых, поскольку на Западе Литва, Латвия и Эстония рассматривались как единый геополитический регион, скоординированные трехсторонние усилия по привлечению западной помощи на нужды формирования и укрепления систем их национальной обороны имели больше шансов на успех, чем односторонние действия. Во-вторых, региональные проекты позволяли начать интеграцию в НАТО, так сказать, «с черного хода» – осваивать натовские стандарты и развивать практическое взаимодействие в военной сфере с членами альянса еще до официального получения членства в нем. При этом в отличие от попыток стран Балтии форсировать вступление в НАТО, развитие их сотрудничества с альянсом в военной сфере в рамках региональных проектов не вызывало особых возражений со стороны России. Наконец, с помощью региональных проектов в сфере обороны Литва, Латвия и Эстония стремились продемонстрировать, что в случае принятия в НАТО они станут не только «потребителями» безопасности, но и смогут вносить свой посильный вклад в укрепление обороноспособности альянса.

Первые попытки наладить трехстороннее сотрудничество в оборонной сфере относятся к 1993 г. Начать решено было с создания сводного балтийского миротворческого батальона (BALTBAT). Такое решение обосновывалось тем, что идея миротворчества в то время активно пропагандировалась ООН – т.е. это позволяло поднять международный престиж стран Балтии. К тому же, по мнению балтийских политиков и военных, это был хороший способ привлечь западную помощь для укрепления своей обороны, не вызывая особых опасений у России. Для комплектации батальона каждая из трех стран должна была направить около 200 военнослужащих. Меморандум о создании Балтийского батальона также подписали соседние страны Северной Европы: Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия. Впоследствии они оказывали существенную помощь в сфере его материально-технического обеспечения и подготовки личного состава. Так, в 1997 г. эстонский контингент

BALTBAT проходил подготовку на базе норвежских миротворческих сил в Ливане [1, с. 40]. Впоследствии батальон получил и практический опыт участия в военных операциях. С 1998 г. его подразделения участвовали в операции по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине [2].

Структура управления BALTBAT включала два иерархических уровня: Руководящую группу, которая должна была осуществлять общий контроль и распределение международной помощи, и Военную рабочую группу, которая должна была разрабатывать детальную программу сотрудничества и следить за ее выполнением. Поскольку у Литвы, Латвии и Эстонии на тот момент не было ни опыта в данной сфере, ни собственных военных специалистов высокой квалификации, способных осуществлять планирование и координацию международных военных проектов, в качестве координаторов к реализации проекта некоторые, прежде всего, соседние, государства НАТО. Председательство в обеих группах первоначально взяла на себя Дания. Отличительной особенностью первых заседаний был двухступенчатый формат: сначала западные координаторы проводили свое собственное заседание и только потом приглашали представителей стран Балтии. Как отмечает бывший высокопоставленный чиновник министерства обороны Эстонии, М. Колга, такое первоначальное неравенство имело и свои объективные причины – страны Балтии тогда еще только начинали формирование систем своей национальной обороны и не имели опыта координации проектов международного военного сотрудничества [4, р. 124]. Тем не менее, такая практика неравенства вызвала сильную критику в балтийских государствах и в марте 1995 г. она формально прекратилась, хотя на практике и далее представители стран НАТО играли ключевую роль в процессе принятия решений в рамках данного проекта.

К 1996 г. основные проблемные моменты в системе управления проектом BALTBAT были устранены и появились результаты – страны Балтии переняли у партнеров из НАТО опыт координации и управления в сфере международного военного взаимодействия, наладили контакты по линии оборонных ведомств и укрепили взаимное доверие. Это позволило использовать такую схему в дальнейшем как рамочную для осуществления новых совместных проектов в военной сфере. Так, на конференции в Вильнюсе в конце 1996 г. было принято политическое решение о создании совместной Балтийской военно-морской эскадры (BALTRON). Роль координатора в этом проекте взяла на себя Германия. Главная задача эскадры заключалась в очистке от мин акватории Балтийского моря. Кроме того, она могла быть использована для спасательных операций на море. Еще одна важная функция BALTRON заключалась в отработке военно-морскими силами Литвы, Латвии и Эстонии военных стандартов НАТО. А в апреле 1997 г. по той же схеме были сформированы руководящие органы еще одного совместного проекта – BALTNET

(Балтийская сеть воздушного наблюдения) под началом Норвегии. Этот проект появился в русле американской Региональной аэрокосмической инициативы, призванной укрепить систему управления воздушным контролем стран ЦВЕ и Балтии. Наконец, летом 1997 г. на ежегодной встрече министров обороны балтийских и северных стран было принято решение об открытии Балтийского оборонного колледжа (BALTDEFCOL) для предоставления постдипломного образования в военной сфере и подготовки высшего офицерского состава стран Балтии. В том же 1997 г. все эти проекты были объединены под управлением программы BALTSEA – Балтийской группы по содействию безопасности. Ее деятельность считается главным вкладом стран Балтии в сотрудничество с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира».

С реализацией проекта BALTBAT было связано проведение во второй половине 1990-х гг. серии международных военных учений «Балтийский вызов» (“Baltic Challenge”) в рамках программы «Партнерство ради мира». В 1996 г. эти учения проводились на территории Литвы, в 1997 г. – на территории Эстонии, в 1998 г. – Латвии. Главной целью этих учений была отработка в полевых условиях военного взаимодействия в ходе миротворческих операций. Это были не только первые совместные учения стран Балтии, но и первый опыт их практического взаимодействия с НАТО. Планы учений разрабатывались странами Балтии совместно с США и были связаны с плановыми мероприятиями тренировки сводного батальона BALTBAT. Хотя участие в учениях принимали и другие представители вооруженных сил Литвы, Латвии и Эстонии, не связанные с реализацией проекта BALTBAT [4, p. 125].

Чтобы охарактеризовать историческую динамику процесса балтийского регионального сотрудничества в оборонной сфере, следует выделить в его развитии три основных этапа. Первый из них охватывает период с 1993 по 1999 г. – т.е. с момента начала этого сотрудничества и вплоть до подписания Литвой, Латвией и Эстонией «Плана действий членства» на Вашингтонском саммите НАТО. Именно в это время были разработаны и учреждены все основные проекты регионального военного сотрудничества. Они рассматривались, во-первых, как действенный инструмент привлечения западной помощи для формирования систем национальной обороны Литвы, Латвии и Эстонии в соответствии с принципами и стандартами НАТО, что должно было впоследствии облегчить их интеграцию в военные структуры альянса, во-вторых – как их посильный вклад в развитие программы «Партнерство ради мира» и, в-третьих, как важный элемент стратегии совместного лоббирования вступления в НАТО.

Второй этап период от присоединения стран Балтии к «Плану действий членства» до их официального принятия в альянс весной 2004 г. Это был достаточно интенсивный и в то же время противоречивый период в развитии

балтийского военного сотрудничества. С одной стороны, политические элиты государств Балтии понимали, что от их способности наладить устойчивое сотрудничество друг с другом будет во многом зависеть оценка странами альянса их готовности к вступлению. Поэтому на встречах министров обороны трех стран постоянно подчеркивалась важность их взаимного сотрудничества в оборонной сфере в процессе подготовки к вступлению в НАТО. При разработке предусмотренных «Планом действий членства» ежегодных национальных планов появился целый ряд новых инициатив трехстороннего сотрудничества. Так, в 2000 – 2002 гг. министры обороны и иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии совершили ряд совместных визитов в отдельные страны НАТО. В рамках Процесса планирования и оценки, являющегося одним из основных инструментов программы «ПРМ», также обсуждались возможные совместные действия стран Балтии по более тесному взаимодействию с силовыми структурами НАТО – идеи присоединения к натовскому Противоминному подразделению «Север», многостороннему корпусу «Северо-Восток», Интегрированной расширенной системе воздушной обороны (NATINEADS) и т.д.

С другой стороны, как отмечает уже упомянутый М. Колга, между странами Балтии начался своего рода «конкурс красоты» – когда каждая из них стремилась показать себя перед альянсом в более выгодном свете, чем остальные две и, тем самым, увеличить свои шансы на принятие в ходе ближайшего раунда расширения, вопреки стратегии совместного лоббирования. Это вело к тому, что многие трехсторонние договоренности так и оставались только на словах. Кроме того, страны начали несогласованные друг с другом закупки вооружений и военной техники, что серьезно ухудшило и без того не очень хорошие возможности военного взаимодействия между ними на техническом уровне. Наконец, их правительства стали заявлять, что некоторые проекты регионального военного сотрудничества более не соответствуют насущным потребностям и являются бесполезной тратой средств. По таким соображениям в 2003 г. была прекращена реализация проекта BALTBAT.

Наконец, после вступления стран Балтии в НАТО начался третий этап. Он характеризовался масштабным сворачиванием регионального сотрудничества – из упомянутых проектов в активном состоянии остался лишь BALTDEFCOL, который смог занять свою нишу в подготовке высшего офицерского состава для стран Балтии. В целом же после вступления в альянс Литва, Латвия и Эстония быстро теряют интерес к региональному взаимодействию в оборонной сфере и отдают явное предпочтение участию в общенатовских программах и инициативах. Например, все три принимали участие в операциях Международных сил НАТО в Афганистане. Однако и тут в вы-

полнении военных задач они участвовали ни единым блоком, а по отдельности или в паре с подразделениями других (небалтийских) членов альянса.

Это позволяет прийти к заключению, что развитие регионального военного сотрудничества стран Балтии не являлось для них самоцелью, а служило лишь вспомогательным средством для достижения стратегической цели – членства в НАТО. Как только эта цель была достигнута, интерес к региональным проектам стал угасать и большинство из них были свернуты.

Литература

1. Горбунов, Н. Встреча министров обороны стран Северной Европы и Балтии / Н. Горбунов // Компас: вестник международной информации ИТАР-ТАСС. – 1998. – № 23. – С. 38 – 43.
2. Baltic Defence Co-operation - Main Joint Projects // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia [Electronic resource]. – 2003. – Mode of access: <http://www.am.gov.lv/en/security/4494/4498/?print=on>. – Date of access: 12.11.2014.
3. Baltic Defence Co-operation: Ministry of Foreign Affairs (Estonia) // Consulate General of Estonia in Minsk [Electronic resource]. – 2002. – Mode of access: http://www.estemb.by/eng/nato/kat_361. – Date of access: 03.11.2014.
4. Kolga, M. Quo vadis Baltic defence cooperation? // Advancing U.S.-Nordic-Baltic Security Cooperation / Daniel Hamilton, Andras Simonyi, and Debra Cagan. – Center for Transatlantic Relations, Johns Hopkins University, 2014. – P. 119 – 126.

ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ УГРОЗЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СИСТЕМНОГО ОБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТРАТЕГИИ НАТО

В.В. Воронович, Военная академия Республики Беларусь, доцент

С.В. Верлуп, Военная академия Республики Беларусь, доцент

Не вызывает сомнений, что наблюдаемое в парадигме глобализации «снижение интенсивности самоидентификации индивида со своими традиционными большими сообществами (от государства до конфессии или структур родства) означает рост отчуждения от прежних «органичных» социальных ролей и формирование запроса на иные ролевые паттерны» [1, с. 19]. В свою очередь, это означает проявление ранее неизвестной тенденции, которая предполагает, что во многом с использованием качественно новых технологий и технических возможностей «конструируются новые сообщества, использующие теперь уже нетрадиционные механизмы интеграции, требующие от индивида не целостного, а лишь частичного участия» [1, с. 19], опосредованно провоцируя так называемую «коллективную безответственность», склонность субъектов соответствующего воздействия к девиантному поведению.

Упомянутый аспект, равно как ряд других, наблюдаемых в Украине и во многих других «горячих точках» с конфликтами различной интенсивности, масштабов и происхождения, обязательно следует учитывать при оценке угроз, вызовов и рисков безопасности на всех уровнях, в том числе при коррекции стратегии развития НАТО. Указанный тренд тем более игнорировать категорически нельзя, поскольку, по мнению специалистов, ко всему прочему наряду с реальными боевыми действиями в случае неблагоприятного развития событий на международной арене в качестве потенциального пространства сражений выступят еще и компьютерные сети, а наиболее актуальными задачами в ходе любого конфликта станут массированное информационно-психологическое воздействие на войска и население в сочетании с обеспечением максимально быстрой дезорганизации функционирования стратегически важных военных, промышленных и административных объектов.

Соответствующие соображения позволяют сформулировать тезис о целесообразности применять при совершенствовании концептуальных основ обеспечения безопасности на различных уровнях и в диверсифицированных форматах системно-деятельностный подход, обратив особое внимание на понимание самой сущности угрозы именно как системного объекта. В этой связи, прежде всего, речь должна идти о грамотном прогнозировании на базе

квалифицированного, комплексного, объективно-квантифицированного анализа текущей обстановки, известных векторов движения и количественно-качественных характеристик, других существующих верифицируемых показателей (индикаторов), которые в совокупности изначально будут подчинены принципу упреждающей реакции на негативное вероятностное развитие событий. Только такая модель способна гарантировать минимизацию или недопущение ущерба от принятия ошибочного управленческого решения, что имеет исключительное значение для сохранения международного мира, стабильности, безопасности и дальнейшей предсказуемости событий.

Требуется развивать и «ситуационное мышление», то есть готовность и способность обладающих необходимыми полномочиями соответствующих должностных лиц и сотрудников правильно оценивать ситуацию, возникающую в сфере обеспечения безопасности и принять адекватное решение. Это является одним из принципиально значимых условий эффективной организации управления, хотя, несмотря на многообразие наблюдаемых в социальной практике ситуаций-угроз, большинство из них все-таки характеризуется вполне определенным набором (совокупностью) типовых главных критериев, среди которых в формате профильной теоретической модели надлежит рассматривать следующие параметры:

1. Что возникло как угроза, внешние характеристики таковой;
2. Где (очаг появления) – участок, направление, некая конкретная территория / регион и т.п.;
3. Когда (время возникновения и время получения верифицируемых сведений; продолжительность, динамика, темп и скорость развития);
4. Критически важные предпосылки, причины и условия, способствующие возникновению и эскалации соответствующей ситуации;
5. Сущностные составляющие угрозы, то есть источник и носитель таковой угрозы (организация, конкретное лицо, процесс и др.), масштаб, степень важности и сложности, а также требующая принятия управленческого решения суть (ядро) вопроса перспективы развития;
6. Научно обоснованный и базирующийся не на субъективных факторах, а полном комплексе объективных сведений относительно угрожающей ситуации, совокупности экспертных оценок последней, многоуровневый прогноз ее развития.

При разработке упомянутой модели следует исходить из того, что независимым индикатором реальной динамики ситуации, а не продиктованных различными соображениями представлений о ней, служит вариативная информационная матрица соотношений «знания – незнания», которая позволяет среди альтернатив «знаний» определить наиболее приемлемую и максимально содержательную с информационной точки зрения, что исключительно

важно для принятия взвешенного управленческого решения сразу по нескольким основополагающим параметрам: относимость (прямое отношение имеющихся данных к типу и виду познаваемой ситуации-угрозы), важность (актуальность), своевременность, полнота и достоверность. По нашему мнению, возможности предлагаемого подхода позволяют наглядно и комплексно заметить и адекватно оценить, согласовав общую позицию, ключевые аспекты, относящиеся к коллективной безопасности:

1) набор выработанных сообща и научно обоснованных основополагающих типовых критериев, которые окажутся пригодными для проектирования диверсифицированных моделей конкретных ситуаций, угрожающих безопасности стран-участниц профильного международного взаимодействия;

2) состояние достаточного информационного обеспечения ситуации, приемлемого удовлетворения информационных потребностей (которые одновременно, по сути, становятся структурными единицами анализа, направлениями и задачами, нацеленными на своевременное и оперативное получение недостающих для разрешения соответствующей ситуации данных) задействованных в укреплении безопасности на всех уровнях акторов.

Нельзя не отметить, что системный подход по своим познавательным установкам во многом, безусловно, совпадает со структурно-функциональным анализом – в первую очередь, по способу познания, основанному на расчленении целостного объекта на составные элементы для получения новых знаний об этих элементах, обобщения (синтеза) этих знаний и в итоге формирования нового качественного целого. Неслучайно рассмотренный метод в теории и практике получил название системный анализ, который на современном этапе трактуется и как синоним системного подхода, и как определенный эквивалент сочетания методологических средств, ориентированных на квалифицированную подготовку и принятие долгосрочных фундаментальных решений по сложным и актуальным проблемам социально-общественной практики.

В контексте совершенствования стратегии развития НАТО и продолжения конструктивного взаимодействия альянса с Республикой Беларусь использование методов системного анализа необходимо, прежде всего, потому, что в процессе принятия решений относительно мер противодействия угрозам безопасности, независимо от их вида, практически всегда приходится осуществлять выбор в условиях неопределенности, спровоцированной присутствием и воздействием на положение и динамику событий факторов, не поддающихся строгой квантификации.

Процедуры и методы системного анализа позволяют, и это чрезвычайно ценно и востребовано управленцами, гарантировать разработку, выдвижение и аргументированное обсуждение альтернативных вариантов решения

проблемы, выявление масштабов неопределенности по каждому из вариантов и квалифицированное, сбалансированное сопоставление вариантов по тем или иным критериям эффективности, в том числе благодаря присущим упомянутому методу принципам, среди которых назовем:

- процесс принятия решений относительно мер противодействия угрозе (угрозам) безопасности надлежит начинать с определения и четкого формулирования конечных целей деятельности носителя (носителей) таковой;

- угроза безопасности изначально воспринимается и оценивается как целое, как единая система, что требует выявления всех последствий и взаимодействий каждого частного решения;

- неперенными условиями достижения цели деятельности любым субъектом, осуществляющим противодействие данной угрозе, являются постоянная координация усилий с другими акторами, сочетаемые с уточнением и оценкой возможных альтернативных путей борьбы с таковой;

- цели деятельности и меры, предпринимаемые структурными подразделениями конкретного субъекта, не должны вступать в противоречие с целями его общей деятельности (программа, система мер).

Помимо изложенного, при осмыслении сущности угрозы коллективной безопасности как системного объекта весьма своевременным и рациональным представляется использование в комплексе макро- и микроподходов, описывающих внешние и внутренние взаимодействия данной системы. При макроподходе анализируется поведение угрозы-системы как единого целого по отношению к внешней среде, при этом главными факторами являются: а) целевое назначение; б) задачи; в) условия функционирования; г) критерии эффективности; д) задаваемые ограничения на показатели качества функционирования. Этот подход сводится к описанию связи ВХОД-ВЫХОД и не содержит никаких сведений о внутреннем механизме преобразования переменных управления в переменные состояния. Микроподход основан на внутреннем комплексном описании угрозы-системы и является противоположным предыдущему. Он определяет содержание самой системы; предметом изучения становятся характеристики взаимодействия системы и ее элементов, а также условия их функционирования.

Системный анализ обеспечивается рядом прикладных математических дисциплин и методов, широко используемых в современном управлении, экономике и промышленности, теоретико-прикладных и конструкторских исследованиях и т. п.; его техническая основа – современные ЭВМ и информационные системы. Разумеется, это не всегда доступно с точки зрения оперативности применения, требуемых затрат, наличия соответствующих специалистов, но даже при определенных затруднениях различного свойства не препятствует реализации центральной процедуры данного метода – таковой

выступает формирование обобщенной модели (или моделей), отображающей все факторы и взаимосвязи реального объекта или ситуации, в данном случае модели угрозы коллективной безопасности как системного объекта для получения корректных ответов на следующие вопросы:

- а) близость результата применения того или иного альтернативного варианта действий к желаемому;
- б) сравнительные затраты ресурсов по каждому из вариантов;
- в) степень чувствительности модели к различным нежелательным внешним воздействиям.

Но в любом случае использование метода системного анализа, зачастую дополненного еще и программно-целевым анализом, логически завершается (подкрепляется) системным синтезом, под которым понимают комплекс совокупности логико-аналитических приемов целенаправленной разработки сложных оптимальных систем посредством систематизации и определения множества альтернативных конкурирующих структур технических и иных средств в целях последующего выбора из их числа наиболее рациональной модели системы, учитывающей фактор информационной неопределенности.

Ко всему прочему при совершенствовании стратегии развития НАТО и определении основных направлений международного сотрудничества с участием альянса важно учитывать, что большинство факторов, являющихся предпосылками и условиями формирования реальных угроз безопасности, возникают в результате функционирования различных социальных систем, причем созданных сознательно для достижения конкретных целей и решения реальных задач.

Например, наблюдаемые в течение 2013–2014 гг. наращивание и диверсификация военной инфраструктуры, активизация военной активности вблизи границ Республики Беларусь, несомненно, не могут не вызывать беспокойство белорусского руководства, ибо нарушают существующий баланс сил и средств не в пользу нашей страны, что становится предпосылкой возникновения угрозы национальной безопасности в военной сфере. Иными словами, вполне очевидно: угрозы безопасности на различных уровнях возникают и проявляются как формы активности их источников и носителей, т.е. как следствие и результат осуществляемой ими деятельности.

Это позволяет сформулировать вполне обоснованное заключение о том, что на базе системно-деятельностного подхода может быть построена теоретическая модель угрозы безопасности как активно функционирующего (действующего) системного объекта. Поэтому в контексте заявленной авторами темы предлагается, чтобы данная модель включала следующие обязательные элементы-константы (подсистемы) угрозы последней:

1. Объект и предмет;

2. Субъект (носитель угрозы);
3. Происхождение, этнопсихологические и другие особенности, идеолого-мировоззренческая база функционирования (поведения) субъекта;
4. Статус субъекта (носителя угрозы) в регламенте общественных отношений (международный, государственный, негосударственный, другой) и в рамках нормативной правовой базы функционирования;
5. Детализированная характеристика пространства (региона) деятельности субъекта;
6. Система принципов активности (общие, особенные);
7. Комплекс интересов и целей (задач) субъекта;
8. Формы и методы (как системы);
9. Силы и средства (как системы);
10. Организация деятельности: многоуровневая стратегия деятельности и управления (общая и особенная); организационная структура и система управления; руководящее ядро (лидеры); основные виды обеспечения деятельности как подсистемы: финансовое, информационное, кадровое, ресурсное, другие; система взаимодействия (векторная схема);
11. Тактика деятельности (общая, ad hoc и специфическая);
12. Система союзников (партнеров);
13. Система противоборствующих субъектов (конкурентов);
14. Система сильных характеристик (конкурентоспособность);
15. Система «узких» мест (элементы и звенья уязвимости).
16. Система количественно-качественных единиц и показателей (индикаторов) результатов деятельности. Основные показатели результатов в избираемый для оценки деятельности период.
17. Научно обоснованные прогностические аспекты функционирования (перспективы, тенденции развития).

Структура такой модели будет состоять из набора вышеуказанных обязательных элементов. Каждый из них выступает фундаментом познания, самостоятельной подсистемой, на базе которой исследователь и лицо, принимающее управленческие решения, будут постоянно анализировать имеющиеся знания, наращивать и углублять их (системный синтез) и одновременно уточнять сферу существующего незнания. При этом важно, чтобы процесс моделирования носил творческий и комплексный характер и осуществлялся с учетом и в обязательном единстве междисциплинарных современных научных знаний, ибо только так оказывается возможным обеспечить декларируемую участниками блока эффективную способность «полностью быть готовыми к быстрому реагированию на угрозу или применение силы против любого участника или региона (!) альянса, включая сценарии, при которых... будет очень короткое время предупреждения» [2].

Литература

1. Лапкин, В.В. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности / В.В. Лапкин // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 2. – С. 16 – 41.

2. 10 years after NATO Membership – Defence Cooperation between Denmark and Lithuania, Latvia and Estonia. Speech by NATO Deputy Secretary General Alexander Vershbow at the Royal Danish Defence College in Copenhagen, Denmark [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_109024.htm. – Дата доступа: 08.08.2014.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАТО

В. В. Воронович, Военная академия Республики Беларусь, доцент

После неоднозначной по своим итогам миссии НАТО в Афганистане и особенно по итогам экспресс-анализа украинских событий внесение существенных (если не фундаментальных) изменений в стратегический курс Североатлантического альянса стало неизбежным, что в значительной мере затрагивает и вопросы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, вынуждая ее руководство гибко реагировать на происходящую трансформацию концептуальных основ активности данного блока.

Безусловно, и сейчас продолжена магистральная политическая линия, согласно которой «основой коалиционного оборонного потенциала альянса является «сбалансированное» сочетание ядерных сил, сил и средств противоракетной обороны и сил общего назначения» [3, с. 11], хотя до сих пор неясно, где и каков этот баланс, насколько он соответствует изменившейся в последний год ситуации. Так, вызывает вопросы целесообразность размещения дополнительных контингентов, создания некоей дополнительной инфраструктуры странами альянса на границах с Россией и Беларусью, ибо без обращения и работы с первопричинами кризисных явлений это повлечет лишь бесполезные затраты, серьезно повысив риск повторения аналогичного конфликтного развития событий уже на новом витке.

И все же, как представляется, в решениях саммита НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г. действительно положено начало кардинальной ревизии не только и не столько текущих планов, сколько стратегических целей, военно-политических приоритетов, ресурсного сопровождения, форм, средств и методов достижения таковых, понимания наиболее актуальных для всех участников угроз, вызовов и рисков безопасности (хотя, разумеется, пока у государств НАТО четкого, комплексного и согласованного ответа на них ни в тактическом, ни в оперативном, ни в стратегическом плане нет).

Тем не менее, сейчас многие эксперты вполне обоснованно рассуждают о переходе альянса от «эпохи операций» к периоду «оперативного сосредоточения на европейских рубежах сдерживания» [2, с. 67], поскольку члены НАТО стремятся «полностью быть готовыми к быстрому реагированию на угрозу или применение силы против любого участника или региона (!) альянса, включая сценарии, при которых... будет очень короткое время предупреждения» [8].

При этом наблюдаемая коррекция стратегии блока во многом является откликом не только на последние политические кризисы и вооруженные

конфликты в зоне ответственности (интересов) альянса, но и на давно высказываемые озабоченности Польши и стран Балтии по поводу необходимости безотлагательного укрепления функции коллективной обороны НАТО, а накануне саммита неоднократно упоминалось (в т.ч. в официальных пресс-релизах) о том, что блок находится в одном из самых сложных периодов своего существования, нуждаясь в совершенствовании его организационной структуры и системы ресурсного обеспечения, в демонстрации готовности и способности обеспечить скоординированные действия стран-участниц по совместной защите друг друга.

Неслучайно еще на заседании Европейского совета 19–20 декабря 2013 г. с участием генерального секретаря НАТО было особо обозначено, что позиция руководства блока относительно, например, развития военной составляющей ЕС при безусловном сохранении ведущей роли альянса в обеспечении европейской безопасности «заключается в необходимости углубления взаимодействия между обеими организациями в военной и политической сферах, объединении и совместном использовании имеющихся ресурсов, а также в недопущении дальнейшего снижения национальных расходов на оборону» [4, с. 3].

В свою очередь, руководство Еврокомиссии заявило о готовности, особенно в сфере кризисного регулирования, «взять на себя дополнительные обязательства по обеспечению безопасности не только на своей территории и в зонах «Европейской политики соседства», но и на глобальном уровне», причем «в полном сопряжении с военно-политической деятельностью альянса в рамках достигнутых ранее договоренностей о стратегическом партнерстве между обеими организациями» [4, с. 4], в том числе «гентской» инициативы.

Тем не менее, реализация конкретных мероприятий во исполнение «новой» «старой» концепции развития альянса и взаимодействия с другими международными институтами по-прежнему немислима без деятельного участия США. Именно Соединенные Штаты в условиях исподволь закрепляющего неравноправие партнерства в силовой сфере вялотекущего экономического кризиса в ЕС «обретают новые возможности укрепить свои позиции в Европе, ограничить попытки, пусть даже слабые и несогласованные, европейских союзников играть более самостоятельную партию, особенно в отношении России» [2, с. 69], хотя и вынуждены выделять на соответствующие цели дополнительное финансирование для материального обеспечения трансатлантических акций в противоречие со своими совсем недавними и совершенно противоположными намерениями.

Закономерно с 2007 по 2013 гг. доля США в оборонных расходах в Североатлантическом альянсе выросла с 68 до 73 % [2, с. 69] и не приходится

сомневаться в сохранении этой тенденции впредь к огромному неудовольствию американских и радости европейских налогоплательщиков, поскольку «призывы сплотить ряды и укрепить безопасность недостаточны для того, чтобы европейские страны в крайне сложной финансово-экономической ситуации и жесткой конкуренции выделили дополнительные ресурсы на коллективную оборону» [2, с. 70].

Принимая во внимание, что в 2013 г. лишь Великобритания и Греция выполнили согласованное всеми странами-участницами решение о минимальном уровне военных расходов в 2 % [2, с. 68], союзники опять же с надеждой ожидают не менее активной поддержки от американской стороны в организационно-управленческом и технико-технологическом обеспечении эффективной борьбы с угрозами информационной безопасности, а также проведения киберопераций нового поколения, применения «тактического интернета» на удаленных позициях.

Несмотря на несколько подпортившие традиционную схему многосторонних отношений разоблачения Э. Сноудена, иной альтернативы у европейского политического и военного истеблишмента нет, т.к. только, пожалуй, в области соответствующих научных исследований, целевой подготовки профильных специалистов, сбора и обработки информации европейцами накоплен определенный опыт.

Относительно принятой 7 февраля 2013 г. Стратегии кибербезопасности ЕС под условным наименованием «Открытое, защищенное и безопасное пространство» вынуждены заметить, что данный документ представляет собой пока скорее декларацию о намерениях, не слишком подкрепленную финансированием, эффективными механизмами координации совместных усилий и должной политической волей стран-участниц.

Что касается комплексной разработки и осуществления на практике киберопераций, системного контроля за состоянием компьютерных сетей и эффективной защитой объектов коммуникаций, практической отработки способов ведения информационных операций, то здесь неоспоримым является первенство Соединенных Штатов, чья классификация одних только инновационных киберопераций во «внутренней» и «внешних» средах уже сейчас весьма обширна и включает [5, с. 45]:

- «обеспечивающие сетевые операции» (киберзащита – т.е. защита информации и компьютерных сетей, мониторинг и в зависимости от ситуации использование / пресечение несанкционированной активности; управление сетевой инфраструктурой – т.е. планирование и проектирование, установка и обслуживание сетей; диагностика сетевой инфраструктуры – т.е. предупреждение, выявление и ликвидация неполадок сетевого оборудования);

- «обеспечивающие кибероперации (оценка уязвимости систем киберзащиты; определение степени безопасности методом «от угроз» и устранение обнаруженных недостатков; реконструирование / моделирование вредоносной активности противника на основе диверсифицированного постоянного анализа обстановки; контрразведка; разведка киберугроз и киберрасследования; НИОКР по расширению освоения киберпространства);

- «боевые кибероперации» (кибератаки; получение разведывательных данных из компьютерных сетей и систем изучаемых субъектов; динамическая оборона, т.е. проведение упреждающих, или превентивных атак; поддержка в выявлении источников вражеской кибератаки, а также в изучении киберугроз и сетевых параметров);

- совместно проводимые операции (радиоэлектронная разведка; операции в ЭМ-спектре; операции в других доменах);

- операции по оперативному обмену данными, включая фотографии, описание противника, биометрические сведения, между воинскими частями на передовых позициях с помощью «тактического интернета» [6] на базе технологии CBMEN – Content-Based Mobile Edge Networking (Мобильные сетевые технологии на основе мобильного контента).

В самом альянсе уже активно реализуются при деятельном американском участии масштабная инициатива «К силам НАТО 2020» (Towards NATO Forces 2020) и рассчитанная на перспективу до 2025 г. концепция «Единое информационное пространство» (ЕИП), которая «позволит коалиционным силам повысить устойчивость управления, степень осведомленности о противнике и своих силах... , эффективность разведывательных средств и сократить время принятия решения на применение войск (сил) и систем оружия» [3, с. 14].

Одними из ключевых элементов последней призваны стать система дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией «Авакс-НАТО», весьма перспективная автоматизированная система воздушной разведки наземной (надводной) обстановки «Arc» (AGS – Air Ground Surveillance), включающая средства разведки воздушного базирования и наземные комплексы обработки видовой радиолокационной информации.

Разумеется, нельзя не согласиться с мнением весьма авторитетных экспертов-международников о том, что альянс «все еще находится в поисках своего места в современном глобализирующемся мире» [7, с. 25] и реализует, в частности, более 20 проектов сотрудничества государств самого блока в таких сферах, как авиационные переброски и транзит, обеспечение совместного совершенствования и применения средств наблюдения и разведки, патрулирования прибрежных зон и пр.

Непосредственно в сфере кибербезопасности руководство альянса, чья информационная сеть объединяет более 70 тыс. компьютеров по всему миру [1, с. 14], одобрило разработку и выполнение сразу нескольких программ по эффективному предупреждению скрытного проникновения в информационно-коммуникационные ресурсы организации и входящих в нее государств, защите соответствующих компьютерных сетей и обеспечению надежного бесперебойного функционирования таковых в любых условиях.

С 2008 г. в Таллине функционирует центр передового опыта НАТО в области компьютерной безопасности, а в 2013 г. была запущена в эксплуатацию единая система альянса по реагированию на компьютерные угрозы, включающая два центра по реагированию на компьютерные инциденты, которые дислоцированы при штаб-квартире НАТО в Брюсселе и при расположенном в бельгийском Монсе штабе стратегического командования операций ОВС данного военно-политического блока.

Однако не вызывает сомнений, что при огромном и перманентно возрастающем значении для укрепления безопасности качественно новых кибертехнологий и других технико-технологических средств, при наблюдаемой диверсификации прикладных аспектов многостороннего взаимодействия все-таки основным выводом по результатам изучения материалов решения саммита в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г., дальнейших высказываний политических лидеров стран-участниц и дискуссий в экспертном сообществе становится не форсирование использования в военных целях инновационных разработок (это важная, но все-таки частность). Таковым является скорее тезис о переходе на неопределенное время и НАТО, и России к концепции взаимного сдерживания. Думается, потенциально это внесет в их отношения дополнительный и совершенно не нужный конфликтообразующий потенциал, повлечет дополнительные затраты, отвлечение сил и средств обеих сторон от борьбы с действительно актуальными и чрезвычайно острыми угрозами безопасности, по-существу во многом обесценив полученные после окончания «холодной войны» позитивные наработки в указанной сфере.

К тому же важно учитывать, что все более усиливающееся недоверие и взаимные (зачастую не слишком обоснованные) обиды сторон по отношению друг к другу, взаимная активизация использования риторики 30-40-летней давности в контексте долгосрочного характера украинского кризиса, тлеющих и до сих пор не разрешенных конфликтов в Приднестровье, Гагаузии, других регионов постсоветского пространства, в Боснии и Герцеговине, иных точках европейского континента – все это невозможно, немыслимо эффективно и надежно преодолеть без конструктивного диалога между упомянутыми ключевыми акторами в сфере обеспечения европейской безопасности,

стремления услышать опасения и озабоченности партнеров, не оставляя им исключительно второстепенную роль ведомых.

Литература

1. Градов, А. Деятельность Североатлантического союза в сфере кибербезопасности / А. Градов // Зарубежное военное обозрение. – 2014. – № 7. – С. 13–16.

2. Данилов, Д. НАТО: вперед в прошлое / Д. Данилов // Международная жизнь. – 2014. – Май. – С. 66–81.

3. Дмитриев, А. Основные направления развития Объединенных Вооруженных Сил НАТО / А. Дмитриев, А. Александров // Зарубежное военное обозрение. – 2014. – № 6. – С. 10–15.

4. Иванов, В. Итоги саммита Евросоюза по вопросам безопасности и обороны: основные направления развития военных возможностей организации / В. Иванов // Зарубежное военное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 3–7.

5. Олегин, А. Силы киберопераций сухопутных войск США. Взгляды американского командования на их применение / А. Олегин, М. Алтуфьев // Зарубежное военное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 41–46.

6. О применении «тактического интернета» на передовых позициях // Зарубежное военное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 109.

7. Розанов, А. А. «Умная оборона» НАТО / А. А. Розанов // Международная безопасность и НАТО в меняющемся мире : сб. материалов междунар. семинара, Минск, 13–14 дек. 2012 г., 14 марта 2013 г. / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. – Минск: РИВШ, 2013. – С. 23–31.

8. 10 years after NATO Membership – Defence Cooperation between Denmark and Lithuania, Latvia and Estonia. Speech by NATO Deputy Secretary General Alexander Vershbow at the Royal Danish Defence College in Copenhagen, Denmark [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_109024.htm. – Дата доступа: 08.08.2014.

**ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, СВЯЗАННЫХ С УЧАСТИЕМ
В РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (ОДКБ, ЕАГ)**

Е. Ф. Довгань, Белорусский государственный университет, доцент

Республика Беларусь, является членом ряда международных организаций, действующих в области поддержания международного мира и безопасности, включая Организацию Объединенных Наций, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Содружество Независимых Государств, Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) и Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ).

Членство в международных организациях связано с разработкой и заключением в рамках таких организаций международных договоров, равно как с принятием организациями решений в сфере их предметной компетенции.

ОДКБ является классической организацией коллективной безопасности. Она основана на Договоре о коллективной безопасности от 15.05.1992 г., фактически представляющем собой договор о коллективной обороне (Договор о коллективной безопасности 1992 г., ст. 4 [4]). Деятельность ОДКБ направлена на укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защиту на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, борьбу с новыми вызовами и угрозами: международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, незаконным оборотом оружия, организованной транснациональной преступностью и другими угрозами (Устав ОДКБ, ст. 3, 7–8 [16]). Заключенные в рамках ОДКБ договоры предусматривают создание нескольких типов коллективных вооруженных сил: миротворческие силы, учрежденные в соответствии с Соглашением о миротворческой деятельности ОДКБ от 06.10.2007 г. [13] и Коллективные силы оперативного реагирования (Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования от 14.06.2009 г. [12]). В рамках ОДКБ заключено 43 международных договора, включая протоколы о внесении изменений, которые требуют имплементации государствами-членами.

ЕАГ представляет собой региональную группу по типу ФАТФ и является ассоциированным членом ФАТФ с 2010 г. [7]. ЕАГ была учреждена для координации противодействия легализации преступных доходов, финансированию терроризма и обеспечения выполнения резолюций Совета Безопасности ООН в данной области. Согласно п. 2 Вопросов компетенции по про-

тиводействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма [3], а также Соглашению о ЕАГ от 16.06.2011 г. [11], задачами ЕАГ, в первую очередь, является содействие во внедрении государствами-членами 40 рекомендаций ФАТФ в сфере противодействия легализации преступных доходов и 9 специальных рекомендаций ФАТФ по борьбе с финансированием терроризма (40 + 9 рекомендаций ФАТФ). Для достижения данной цели ЕАГ периодически проводятся взаимные оценки в соответствии с графиком оценок на основании методологии ФАТФ на предмет соответствия международным стандартам. Оценке подлежат: национальное законодательство, контрольные полномочия государственных органов и иное.

Учитывая различную целевую направленность этих организаций: налаживание межгосударственного сотрудничества – в рамках ОДКБ и реализация на национальном уровне рекомендаций ФАТФ в предотвращении легализации преступных доходов и финансирования терроризма частными лицами – в ЕАГ, различными являются и методы имплементации, используемые государствами для выполнения принятых в их рамках обязательств.

1. ЕАГ

Республика Беларусь активно вовлечена в международное сотрудничество в рамках ЕАГ. Оценка Республики Беларусь в рамках взаимных оценок осуществлялась 27.07–3.08.2008 г. [2]. По итогам оценка «частичное несоответствие» и «несоответствие» была выставлена Республике Беларусь по 28 рекомендациям ФАТФ (Третий отчет о прогрессе Республики Беларусь, 5–9.11.2012 г.) [1].

По итогам оценок Республика Беларусь, как и иные государства – члены ЕАГ, готовит отчеты о выполнении разработанных в результате оценки рекомендаций путем принятия законодательных и организационных мер, включая проведение расследований, проверок, введение уголовных и административных санкций в отношении физических и юридических лиц. За период 2008–2014 гг. Республикой Беларусь было представлено 3 отчета [8].

К настоящему моменту на реализацию обязательств, связанных с участием в ЕАГ направлены следующие нормативные правовые акты: Закон о мерах по предотвращению легализации доходов полученных незаконным путем от 19.07.2000 г. (в ред 22.12.2011 г.); отдельные положения уголовного, административного, банковского, уголовного процессуального кодексов; указы Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 г. № 510 (ред. от 07.10.2013) «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (с изм. и доп., вступившими в силу с 19.10.2013); от 26.07.2012 № 332 «О некоторых мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь; постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11.03.2006 г. № 336 «О порядке определе-

ния перечня участников финансовой операции, в отношении которых имеются сведения об их участии в террористической деятельности, либо нахождения под контролем лиц, участвующих в террористической деятельности, и доведения этого перечня до сведения лиц, осуществляющих финансовые операции» (в ред. от 06.09.2010 N 1287); от 16.03.2006 г. № 352 «Об общих требованиях к правилам внутреннего контроля» (в ред. от 21.09.2010 N 1356); от 23.02.2006 г. № 259 «О порядке определения перечня государств (территорий), которые не участвуют в международном сотрудничестве в сфере предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности, и порядке его опубликования» (в ред. от 21.09.2010 N 1355); от 16.03.2006 г. № 367 «Об утверждении формы специального формуляра регистрации финансовой операции, подлежащей особому контролю, и Инструкции о порядке заполнения, передачи, регистрации, учета и хранения специальных формуляров регистрации финансовых операций, подлежащих особому контролю» (в ред. от 21.09.2010 N 1361). А также ряд постановлений Правления Национального банка Респблики Беларусь (от 26.03.2012 г. № 132; от 31.10.2011 г. № 478; от 28.02.2008 г. № 34, Письмо от 24.03.2008 г. № 21-20/524); Министерства финансов Республики Беларусь (от 04.11.2011 г. № 115; 5.11.2011 г. № 117); Министерства по налогам и сборам (от 29.02.2012 г. № 8), Комитета государственной безопасности (8.06.2012 г. № 31).

Принятие эффективных мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности отнесено в первую очередь к ведению Комитета государственного контроля Республики Беларусь (Закон Республики Беларусь от 01.07.2010 г. № 142-3 (ред. от 10.07.2012) «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах», ст. 7; Положение о Комитете государственного контроля Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 27.11.2008 г. № 647 (ред. от 15.08.2013), п. 8.8). В составе Комитета согласно Указу Президента Республики Беларусь от 14.09.2003 г. № 408 создан Департамент финансового мониторинга для принятия эффективных мер по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности и осуществления международного сотрудничества по вопросам предотвращения легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования террористической деятельности (Положение о Департаменте финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь, п. 5.1, 5.3).

В рамках их компетенции в имплементацию обязательств Республики Беларусь, связанных с членством в ЕАГ, вовлечены также Министерство фи-

нансов Республики Беларусь, Министерство юстиции Республики Беларусь, Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, Министерство иностранных дел Республики Беларусь, Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, Комитет государственной безопасности Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Национальный банк Республики Беларусь.

По итогам проведенной работы Республикой Беларусь были внесены изменения в ряд нормативных правовых актов Республики Беларусь, включая уголовный и банковский кодексы (Третий отчет, п. 7–9; 11, 15–16; 22–24); созданы государственные механизмы контроля в сфере игорного бизнеса (п. 21, 25–26); Департаментом финансового мониторинга размещены рекомендации для финансовых учреждений и министерств, содержащих информацию о типологиях отмывания денег, читались лекции на учебных мероприятиях для банков (п. 27–29); принимаются меры по систематизации статистики, усилению контроля в различных сферах, включая таможенный (п. 30–34).

2. ОДКБ

В отношении ОДКБ ситуация с имплементацией принятых в ее рамках международных обязательств существенно отличается. В правовой базе существуют лишь единичные национальные нормативные правовые акты, специально принятые в целях имплементации международных договоров, заключенных в рамках ОДКБ. К ним можно отнести, например, Указ Президента Республики Беларусь от 06.02.2009 г. № 67 «О некоторых вопросах оказания военно-технической помощи государствам – членам Организации Договора о коллективной безопасности», который утверждает Положение о порядке подготовки предложений о принятии и реализации решений по оказанию военно-технической помощи государствам – членам ОДКБ в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии, а также вносит изменения в пп. 1.10.1, п.1 Указа Президента Республики Беларусь от № 94, закрепив за Государственным военно-промышленным комитетом полномочия осуществлять «в пределах своих полномочий согласование всех вопросов, касающихся номенклатуры продукции военного назначения, ее объемов, условий и сроков практического осуществления поставок при оказании военно-технической помощи государствам – членам Организации Договора о коллективной безопасности» [14]. Во исполнение Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности от 15.06.2000 г. государственными органами Республики Беларусь были приняты Инструкции о порядке оформления заказов на поставку продукции военного назначения для

нужд государственных органов, имеющих воинские формирования и военизированные организации Республики Беларусь (п. 1, 2, 7) [9] и для нужд Вооруженных Сил Республики Беларусь (п. 1, 2, 7) [10].

Ссылки на ОДКБ также имеются в целом ряде программных документов. Например, повышение эффективности ОДКБ закрепляется в качестве одного из основных интересов Республики Беларусь в военной сфере (Концепция национальной безопасности Республики Беларусь от 9.11.2010 г., п. 15, 55 [15]). Сотрудничество в рамках ОДКБ называется в качестве одного из направлений международного сотрудничества Республики Беларусь в сфере борьбы с терроризмом (Концепция борьбы с терроризмом в Республике Беларусь от 25.07.2013 г., п. 36), и наркотрафиком (Государственная программа комплексных мер противодействия наркомании, незаконному обороту наркотиков и связанным с ними правонарушениям в Республике Беларусь на 2009–2013 годы от 30.10.2008 г., п. 76). В иных случаях изменений в национальное законодательство не вносилось.

Указанный подход, однако, не означает, что Республика Беларусь не исполняет принятых на себя в рамках ОДКБ обязательств. Согласно ст. 33 Закона Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» от 23.07.2008 г. (ред. от 12.07.2013 г.) «Международные договоры Республики Беларусь подлежат добросовестному исполнению Республикой Беларусь в соответствии с международным правом». При этом «нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства, подлежат непосредственному применению [...] и имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора» [5].

Международные договоры, заключенные в рамках ОДКБ, обычно признаются Республикой Беларусь обязательными для себя путем ратификации (принятия специального закона Национальным собранием Республики Беларусь). Лишь шесть из них, в том числе, Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами – участниками Договора о коллективной безопасности от 15.05.1992 г. (ред. от 10.12.2010); Соглашение о взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные и используемые в ходе военно-экономического сотрудничества в рамках ОДКБ, от 6.10.2007 г., были признаны обязательными для себя путем утверждения указами Президента Республики Беларусь.

Нормы ратифицированных договоров будут обладать статусом положений законов Республики Беларусь, утвержденных – правовой силой положений указов Президента Республики Беларусь. Как таковые, договоры стали

частью действующего законодательства Республики Беларусь, обязательной для правоприменителя.

Теоретически на практике возможна ситуация, когда в случае принятия более позднего закона его нормы будут обладать приоритетом как более поздние (*lex posterior*) над нормами международного договора, ратифицированного посредством принятия закона либо утвержденных указом Президента Республики Беларусь [6]. Несмотря на то, что данное утверждение теоретически верно, следует отметить, что значительное число законов Республики Беларусь (в том числе тех, которые затрагивают вопросы обеспечения безопасности Республики Беларусь) содержит отсылку о приоритете признанных Республикой Беларусь обязательными для себя международных договоров с национальным правом в случае их коллизии (например, законы «Об органах национальной безопасности Республики Беларусь» от 10.07.2012 г., ст. 3; «О Вооруженных Силах Республики Беларусь» от 3.11.1992 г. (ред. от 12.05.2009 г.), ст. 2; «О государственной границе Республики Беларусь» от 27.07.2008 г. (ред. 25.11.2011 г.), ст. 3; «О борьбе с терроризмом» от 3.01.2002 г. (ред. 26.10.2012 г., ст. 1) и иные).

Более того, международные договоры, заключенные в рамках ОДКБ, обычно определяют механизм осуществления межгосударственного сотрудничества, но не функции конкретных внутригосударственных органов, обязанных осуществлять конкретные виды деятельности в соответствии с такими соглашениями. Как следствие, будучи признаны обязательными для Республики Беларусь путем принятия закона о ратификации либо утверждения указом Президента Республики Беларусь, положения договоров, заключенных в рамках ОДКБ, представляют собой специальные нормы (*lex specialis*) и как таковые они будут обладать приоритетом перед национальными нормативными правовыми актами даже в случае если те будут приняты после признания соответствующего договора обязательным для себя.

В части имплементации международных обязательств может ставиться также вопрос о сложности применения норм признанного Республикой Беларусь обязательным для себя международного договора для правоприменителя в связи с недостаточностью знаний в области международного права. Вместе с тем, поскольку в процессе признания Республикой Беларусь таких договоров обязательными для себя в обязательном порядке проводится оценка соответствия национального законодательства обязательствам, вытекающим из международных договоров, а также вовлекаются министерства и ведомства, к компетенции которых относятся регулируемые договорами вопросы (Закон о международных договорах Республики Беларусь, ст. 5), такие министерства будут осведомлены о существовании возникающих из догово-

ров обязательств и смогут обратить внимание подчиненных им структур на необходимость применения норм соответствующих договоров.

Все это, несмотря на то, что изменения в национальные правовые акты в связи с признанием обязательными для себя международных договоров, заключенных в рамках ОДКБ, практически не вносились, позволяет обеспечить выполнение обязательств Республики Беларусь, вытекающих из таких договоров.

Таким образом, несмотря на различие используемых методов, имплементации Республика Беларусь в способна обеспечить выполнение обязательств, принятых на себя в рамках ОДКБ и ЕАГ.

Литература

1. 17-е пленарное заседание ЕАГ, Нью-Дели, 5–9 ноября 2012 г. : третий отчет о прогрессе Респ. Беларусь // ЕАГ [Электронный ресурс] : Евраз. группа по противодействию легализации преступ. доходов и финансированию терроризма. – Режим доступа : http://www.eurasiangroup.org/files/MERs%20-%20RUS/Belarus/FR_2012_7_rus.pdf. – Дата доступа : 21.11.2013.

2. Взаимные оценки. Общая информация // ЕАГ [Электронный ресурс] : Евраз. группа по противодействию легализации преступ. доходов и финансированию терроризма. – Режим доступа : http://www.eurasiangroup.org/ru/mutual_evaluations.php. – Дата доступа : 12.11.2013.

3. Вопросы компетенции Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма : [приняты в г. Москве 06.10.2004 г.] // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

4. Договор о коллективной безопасности : [подписан в г. Ташкенте 15.05.1992 г.] // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

5. Закон Республики Беларусь от 23.07.2008 N 421-3 (ред. от 12.07.2013) «О международных договорах Республики Беларусь» // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

6. Зыбайло, А.И. Постатейный комментарий "Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 23.07.2008 N 421-3 "О международных договорах Республики Беларусь" (под ред. Л.В.Павловой) (по состоянию на 28.12.2011), ст. 33

7. Информация о ЕАГ // ЕАГ [Электронный ресурс] : Евраз. группа по противодействию легализации преступ. доходов и финансированию терроризма. – Режим доступа : http://www.eurasiangroup.org/ru/eag_detail.php. – Дата доступа : 12.01.2013.

8. Каталог отчетов о взаимных оценках государств-членов ЕАГ // ЕАГ [Электронный ресурс] : Евраз. группа по противодействию легализации преступ. доходов и финансированию терроризма. – Режим доступа : <http://www.eurasiangroup.org/ru/mers.php> – Дата доступа : 12.10.2014.

9. Постановление Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Государственного пограничного комитета Республики Беларусь от 12.06.2008 N 8/165/50/28/15 // // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

10. Постановление Министерства обороны Республики Беларусь, Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь от 30.05.2007 N 39/7 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

11. Соглашение о Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма : 16 июня 2011 г. // ЕАГ [Электронный ресурс] : Евраз. группа по противодействию легализации преступ. доходов и финансированию терроризма. – Режим доступа : http://www.eurasiangroup.org/files/documents/eag/Soglashenie_rus.pdf. – Дата доступа : 12.01.2013.

12. Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности : [заключено в г. Москве 14.06.2009 г.] // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

13. Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности : [заключено в г. Душанбе 06.10.2007 г.] // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

14. Указ Президента Республики Беларусь от 06.02.2009 N 67 «О некоторых вопросах оказания военно-технической помощи государствам - членам Организации Договора о коллективной безопасности // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

15. Указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 N 575 (ред. от 30.12.2011) "Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

16. Устав Организации Договора о коллективной безопасности : [принят в г. Кишиневе 07.10.2002] // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

ФОРМИРОВАНИЕ «БОЕВЫХ ГРУПП» ЕС

А. А. Розанов, Белорусский государственный университет, профессор

Идея совместной Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) документально была оформлена на Кельнском саммите ЕС (июнь 1999 г.), а решения о ее военной составляющей были приняты на Хельсинкском саммите (декабрь 1999 г.) под названием «Основополагающая цель» (Headline goal). Было решено создать к 2003 г. потенциал, позволяющий в двухмесячный срок развернуть военный контингент численностью 50–60 тыс. («корпус быстрого развертывания») для проведения операций ЕС в различных регионах.

В 2003 г. начался этап практической реализации ЕПБО. ЕС приступил к непосредственному проведению миротворческих операций, принял Европейскую стратегию безопасности (декабрь 2003 г.). Евросоюз взял на себя осуществление миссии в Боснии и Герцеговине, которую раньше на протяжении почти семи лет осуществляла ООН, приступил к первой военной миротворческой операции «Конкордия» в Македонии, предпринял первую военную операцию за пределами Европы – «Артемис» в Демократической Республике Конго. Таким образом, был дан старт миротворческой деятельности Евросоюза.

К концу 2003 г. стало очевидно, что заявленная «Хельсинкская основополагающая цель» слишком масштабна, не реализуема в полном объеме к установленному сроку при существующих реалиях. Из общей численности вооруженных сил стран-членов ЕС (около 1,8 млн. чел.) изначально предполагалось выделить в «корпус быстрого развертывания» примерно 200 тыс. военнослужащих (чуть больше 10%) с тем, чтобы иметь возможность развернуть и поддерживать «на поле действий» до 60 тыс., т.е. всего 3% от общей численности вооруженных сил. Но такое использование военного ресурса оказалось неподъемной, непосильной задачей [1, с 6].

Поэтому в 2004г., формально не отказываясь от цели по созданию 60-тысячного контингента быстрого реагирования, в ЕС был утвержден принципиально новый подход к созданию, организации и функционированию совместных вооруженных сил. Комплекс радикальных масштабных решений в области европейского оборонного строительства был провозглашен в новой амбициозной программе «Головная цель – 2010» на саммите в Брюсселе. Концептуальной основой этой программы явилась Европейская стратегия безопасности, ставшая первой специально сформулированной доктриной ЕС в области безопасности и обороны. Программа «Головная цель – 2010» послужила, в известной мере, вариантом конкретизации этой доктрины, планом

её практической реализации [2]. В отличие от «Хельсинкской основополагающей цели» она была сфокусирована на качественной стороне военных возможностей ЕС, формировании мобильных вооруженных сил, способных быстро реагировать на новые угрозы.

Сердцевину этих решений представляла концепция формирования подразделений быстрого реагирования и развертывания, названных «боевыми группами» (Battlegroups). Вместо объединенного армейского корпуса Евросоюз сделал упор на создание мобильных частей небольшой численности – речь шла о создании подразделений очень высокой готовности и эффективности. Такая войсковая единица должна представлять собой усиленный батальон численностью до 1,5 тыс. солдат с авиационными и морскими силами. «Боевая группа», согласно замыслу, должна быть подготовлена и оснащена для возможного развертывания в течение 10–15 дней и для ведения самостоятельных действий сроком до 120 дней. Всего предполагалось формирование системы из 6–10 таких групп к 2007 г. [4] Эти части могли создаваться либо одной страной-членом ЕС, либо совместно несколькими странами, причем во взаимодействии с Силами быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force – NRF) [3].

Ведущие страны ЕС первоначально довольно активно взялись за реализацию новой концепции. Первая боевая группа ЕС заступила на дежурство в 2005 г., а с 1 января 2007 г. было объявлено об обретении этими силами полной боевой готовности [5]. Начиная с 2007 г., каждые полгода на дежурство заступали две боевые тактические группы ЕС численностью около 1,5 тыс. чел., что потенциально позволяло одновременно проводить две различные операции.

Однако к настоящему времени опыт создания «боевых групп» носит неоднозначный характер. Всего в ЕС, как сообщается, созданы 18 «боевых групп», из них 14 батальонов, насчитывающих по 1 500 военнослужащих, и 4 батальона по 2 500 чел., два из которых могут быть развернуты в любое время.

С одной стороны, показательно, что боевые группы до сих пор ни разу не были использованы в операциях, хотя в некоторых случаях такие варианты рассматривались, например, в отношении Чада (2008 г.), Ливии (2011 г.) и Мали (2013 г.). Проблема связана как с несоответствием конкретных кризисов критериям, необходимым для развертывания данных подразделений, так и с политическими сложностями.

С другой стороны, одной из целей создания «боевых групп» была трансформация национальных вооруженных сил, повышение их мобильности, совместимости, возможности проводить совместные операции [5]. На этом направлении были достигнуты определенные успехи. Так, в 2008 г. ру-

ководящий совет Европейского оборонного агентства одобрил «План развития возможностей» (Capability Development Plan). Некоторые эксперты рассматривают «боевые группы» как некий прообраз Европейских вооруженных сил (так называемой «Евроармии»), создание которых поддерживается ведущими политиками некоторых стран ЕС, прежде всего Франции и Германии.

Но большинство исследователей достаточно критично относятся к самой концепции и составу подобных сил. Многие приписанные туда подразделения не обладают достаточной оперативной совместимостью друг с другом и не подкреплены возможностью транспортной переброски в места потенциального совместного использования. Характерно, что и силы ЕС, и силы быстрого реагирования НАТО полностью комплектуются только европейскими солдатами, США предоставляют лишь средства боевого обеспечения для нужд альянса. В результате большинство воинских подразделений одновременно приписаны и к силам ЕС, и к силам НАТО. Среди выявленных ЕС «пробелов» в области оперативного реагирования необходимо отметить и отсутствие собственной дальней транспортной авиации, сил и средств тактической и стратегической разведки, систем оперативного управления и связи, современных систем высокоточного оружия, включая крылатые ракеты большой дальности. По состоянию на 2013 г., у европейских стран НАТО в совокупности в регулярных вооруженных силах состояло около 2 млн. военнослужащих, вместе с тем, только примерно 5% из них могли быть размещены на стратегическом удалении для участия в операциях по стабилизации и в миротворческих миссиях.

Таким образом, можно заключить, что на сегодняшний день «боевые группы» ЕС – проект скорее виртуальный, чем практический. Как показывает практика, боеспособность европейских вооруженных сил оставляет желать лучшего. Состав и численность подразделений, порядок командования, взаимодействия с другими руководящими органами Евросоюза, характер выполняемых задач – все эти проблемы остаются до конца не проработанными. Несмотря на то, что движение в сторону создания общеевропейских вооруженных формирований налицо, вопрос о какой-то «Евроармии» как реальной альтернативе силам НАТО в Европе остается весьма проблематичным, по большей части спекулятивным.

Литература

1. Европейский Союз и региональные конфликты / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений ; отв. ред. Н. К. Арбатова, А. М. Кокеев. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – 143 с.
2. Журкин, В. Военные структуры ЕС: цель – 2010 / В. Журкин // Современная Европа. – 2005. – №3. – С. 5–12.
3. Михайлов, В. У Евросоюза – призывной возраст [Электронный ресурс] / В. Михайлов // Независимое военное обозрение. – 2010. – 4 апр. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2010-04-02/1_eurounion.html. – Дата доступа: 20.04.2014.
4. The EU Battlegroups [Electronic resource] : [analytical note, published 12 Sep. 2006] / European Parliament, Directorate-General for External Policies of the Union. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/091006eubattlegroups_/091006eubattlegroups_en.pdf. – Date of access: 11.05.2014.
5. The EU Battlegroups [Electronic resource] : [Updated in April 2013] / European Union External Action. – Mode of access: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/esdp/91624.pdf. – Date of access: 7.05.2015.

СОЗДАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*А. В. Русакович, Белорусский государственный университет,
доцент*

В настоящее время значимым проектом региональной интеграции является создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Данный проект реализуется с января 2015 г., его участниками являются Армения, Беларусь, Казахстан и Россия. Особенности постсоветской интеграции, ее перспективы, сложности реализации, мотивация участия в проекте ЕАЭС тех или иных государств постсоветского пространства, анализ конкурентного и партнерского потенциалов европейской и евразийской интеграции являются предметом дискуссий в политической и экспертной среде. Политики и эксперты высказывают как оптимистичные мнения относительно перспектив Евразийского союза, так и критические замечания в отношении данного проекта. В любом случае необходимо подчеркнуть огромные потенциальные возможности нового объединения, которое представляет собой территорию, охватывающую 20 % земной суши, где проживает 175 млн. населения и сосредоточены громадные природные ресурсы. Проект формирования ЕАЭС соответствует современным трендам глобализации и интеграции, учитывает мировой опыт интеграционных объединений, особенности постсоветской интеграции.

В ходе подготовки Договора о Евразийском экономическом союзе основными вопросами, которые вызвали дискуссию между государствами-участниками, являлись: трансформация ЕврАзЭС, проблема делегирования наднациональных полномочий органам ЕАЭС, темпы формирования единого экономического пространства, унификация финансовых систем, налоговых ставок и т. д. Во время переговоров и работы экспертов над договором о создании ЕАЭС Беларусь и Казахстан выступили за образование на первоначальном этапе переходной структуры – «преемника» ЕврАзЭС, обладающего правосубъектностью, российская сторона предлагала создать ЕАЭС без переходного периода. Одним из основных противоречий в подходах представителей трех государств являлись перспективы Евразийского экономического союза. В ходе переговорного процесса выяснилось, что Беларусь и Казахстан, в отличие от России, считали Евразийский союз исключительно экономическим объединением и не предусматривали в ближайшей перспективе возможности политической интеграции. Белорусская и казахстанская стороны на этапе переговоров не поддержали также идеи создания наднационального парламента ЕАЭС, планы введения единой валюты.

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе, ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В Договоре подчеркнуто, что союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с настоящим Договором. Основными целями Союза были определены: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Существенное влияние на интеграционные процессы на постсоветском пространстве, ситуацию в регионе в целом оказал кризис в Украине в конце 2013-2014 гг., переход Крыма под контроль России, вооруженный конфликт на юго-востоке Украины и российско-украинский конфликт. Исходной позицией большинства руководителей постсоветских стран в отношении кризиса в Украине являлось признание необходимости решения конфликта мирным путем. Следует отметить, что в формате СНГ не были выработаны общие подходы относительно ситуации в Украине и разрешения российско-украинских противоречий. В марте 2014 г. правительство Украины заявило о невозможности исполнения функций председательства в СНГ, эти функции перешли к Беларуси. Не удалось сформировать единый подход к решению украинской проблемы в рамках Организации договора о коллективной безопасности и Единого экономического пространства. Неформальная встреча глав государств – членов ОДКБ в Москве 8 мая 2014 г. ограничилась обсуждением кризисной ситуации в Украине.

В сложившейся в регионе ситуации значимое место приобрела позиция Республики Беларусь. После смены власти в Киеве белорусское руководство заняло взвешенную позицию относительно происходящих процессов, признало новое украинское правительство и сохранило с ним достигнутый в предыдущие годы уровень политических и экономических отношений. Важным элементом позиции республики являлось признание территориальной целостности Украины, особенностей ее государственного устройства и выдвижение инициатив по мирному разрешению конфликта. 26 августа 2014 г. в Минске на встрече Президентов стран Таможенного союза, Украины и представителей Европейского союза было достигнуто понимание необходимости деэскалации конфликта и 5 сентября 2014 г. был подписан Минский

протокол, реализация которого позволила остановить военные действия на юго-востоке Украины приступить к процессу разрешения проблем.

Следует отметить, что, несмотря на то, что ЕАЭС представляет собой экономический союз, дискуссии о перспективе его трансформации в политическую организацию продолжают. Важным элементом при этом является вопрос военно-политического сотрудничества стран-участников, вопрос взаимодействия ЕАЭС и ОДКБ. Подходы в данном направлении находятся в стадии разработки. Например, в 2014 г. эксперты аналитической ассоциации Организации Договора о коллективной безопасности подготовили проект концепции евразийской безопасности. Как отмечается в проекте документа, «Евразийская экономическая интеграция обладает мощным потенциалом развития в условиях современных детерминант мировой экономики, связанных с усилением процессов глобализации и регионализации». По мнению авторов проекта, основным институтом обеспечения евразийской безопасности должна стать Организация Договора о коллективной безопасности. Как представляется, взаимодействие государств ЕАЭС в сфере безопасности и в дальнейшем будет осуществляться в рамках ОДКБ, которая будет выполнять функции своеобразной военно-политической «зонтичной» структуры экономической интеграции и, во-вторых, в формате двусторонних соглашений. Например, в рамках Союзного государства Российская Федерация и Республика Беларусь осуществляют эффективное военно-политическое сотрудничество, которое позволяет сторонам оперативно реагировать на изменение обстановки в сфере региональной безопасности. Не исключено также, что взаимодействие между ЕАЭС и ОДКБ будет осуществляться по модели, сложившейся во взаимодействии Организации Североатлантического договора и Европейского союза.

Таким образом, в 2014 г. постсоветское пространство вступило в новый этап своего развития, государства региона столкнулись с новыми вызовами в сфере безопасности. Реализация проекта Евразийского экономического союза осуществляется в сложных внешнеполитических и внешнеэкономических условиях и от успеха этого проекта во многом зависит стабильное развитие региона.

РЕАКЦИЯ НАТО НА УКРАИНСКИЙ КРИЗИС (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СИМУЛЯЦИОННОЙ ИГРЫ)

А. В. Сивицкий, Центр стратегических и внешнеполитических исследований, директор

Крымский кризис и дальнейшее развитие событий на юго-востоке Украины спровоцировали серьезные дискуссии в западном аналитическом сообществе относительно того, как НАТО должно реагировать на сложившуюся кризисную ситуацию в регионе и какие выводы стратегического характера необходимо сделать военно-политическому руководству Североатлантического альянса.

Однако прежде, чем углубляться в эту тему, необходимо сначала остановить внимание на том, каким образом НАТО воспринимает эти кризисные процессы. НАТО не признало итоги крымского референдума, а действия России в связи с включением Крыма в свой состав были расценены как серьезное нарушение норм международного права. Концентрация российских вооруженных сил на границе с Украиной воспринимается альянсом как действия агрессивные и не способствующие деэскалации напряженности в российско-украинских отношениях.

С точки зрения натовских аналитиков после аннексии Крыма были возможны несколько сценариев дальнейшего развития ситуации между Украиной и Россией:

1. Россия продолжит демонстрацию силы на российско-украинской границе через проведение активных военных учений и вряд ли решится на дальнейшее вторжение на юго-восток Украины;

2. Российские вооруженные силы проведут военную операцию по овладению Перекопским перешейком, соединяющим Крым с континентальной частью Украины;

3. В связи с активизацией пророссийских настроений в Приднестровье после крымского референдума Россия может инициировать проведение военной операции, направленной на установление контроля над Одесской областью Украины, чтобы предотвратить возможную блокаду Приднестровья и соединить ее с подконтрольными России территориями;

4. Россия продолжит проведение военной операции на территории Украины через ввод своих вооруженных сил на юго-восток, направленной на раздел страны.

Обо всех этих сценариях свидетельствовали данные со спутников-шпионов о дислоцированной (до конца августа 2014 г.) на российско-украинской границе российской вооруженной группировке численностью 40

тысяч военнослужащих, готовой к дальнейшему вторжению и обеспеченной необходимой авиационной, артиллерийской, логистической и тыловой поддержкой.

Однако, несмотря на данные прогнозы, реакция НАТО на возможные военные действия России в отношении Украины ограничена институциональными рамками. Как бы ни пытались некоторые западные политики и эксперты заявлять о необходимости ввода натовских войск на территорию Украины (а их российские коллеги – о подобной угрозе), чтобы предотвратить возможное дальнейшее вторжение России, это невозможно. Украина не является членом Североатлантического альянса, а значит, на нее не распространяется Статья 5 Североатлантического договора, а военно-политические и оборонные обязательства перед странами-партнерами, каковой является Украина, в случае подобных кризисных ситуаций не регламентированы. В данных условиях ввод войск НАТО возможен только после соответствующего решения Совета Безопасности ООН, членом которого является и Россия, которая вряд допустит развитие подобного сценария, воспользовавшись правом вето.

Поэтому самая существенная реакция НАТО на украинский кризис заключается не в возможных ответных военных действиях против России в случае ее дальнейшего вторжения на юго-восток Украины, а в потенциальных внутренних функциональных и структурных трансформациях НАТО в ответ на сложившуюся кризисную ситуацию в регионе.

Как раз этой проблеме была посвящена симуляционная игра во время круглого стола «НАТО и ЕС в 2014», который проходил 4 – 6 апреля 2014 г. в Эстонии (Таллин – Сака Манор). Организаторами данного мероприятия выступила Эстонская атлантическая ассоциация при содействии Министерства иностранных дел Эстонии, НАТО, Эстонского института внешней политики и фонда Фридриха Эберта. Несмотря на то, что целевой аудиторией данного круглого стола являлись молодые специалисты в области международных отношений и безопасности, аналитики и представители организаций гражданского общества, уровень дискуссий и само мероприятие прошло на самом высоком уровне.

Автору данной статьи выпала возможность принять участие в симуляционном заседании Комитета планирования оборонной политики НАТО (DPPC NATO) в связи с крымским кризисом. Несмотря на симуляционный характер этого заседания, логика мышления и действий НАТО была реконструирована с очень высокой точностью.

Целью заседания была выработка стратегических рекомендаций для Совета НАТО по трансформации коллективной оборонной политики в контексте смены парадигмы международных отношений после крымского кри-

зиса. В итоге Совету НАТО были предложены для рассмотрения пять необходимых действий по осуществлению политики военного планирования НАТО в связи с последними событиями в Украине:

Действие 1: в целях обеспечения защиты стран НАТО от возможной агрессии любой природы, существующие планы по созданию интегрированной системы ПРО должны быть возрождены и ускорены в зависимости от национальных особенностей их реализации;

Действие 2: в соответствии с Инициативой взаимосвязанных сил (Connected forces initiative) рекомендовано развертывание сил в странах НАТО Восточной и Центральной Европы, чтобы обеспечить территориальную оборону против потенциальной агрессии. Решение разместить или направить войска останутся предметом двусторонних соглашений между отправляющими и размещающими государствами. Развернутые боевые единицы должны носить сугубо оборонительный характер. Развернутые войска будут обеспечивать безопасность морских коммуникаций для всех стран НАТО, защищать маршруты поставок энергоносителей, и поддерживать доступ к таким инфраструктурам, которые позволят быстро получить поддержку в случае кризиса. В соответствии с существующими соглашениями развернутые силы могут быть предметом инспекции со стороны международных наблюдателей;

Действие 3: количество и масштабы военных учений будут увеличены в регионе Восточной и Центральной Европы. Учения предусматривают участие вооруженных сил из стран НАТО и стран-партнеров и должны проводиться на территории стран НАТО или же после явного приглашения со стороны страны-партнера;

Действие 4: стратегия НАТО в отношении как развертывания сил, так и военных учений должна быть поддержана действиями сильной общественной дипломатии НАТО, подчеркивающими сугубо оборонительный характер стратегии НАТО;

Действие 5: Совету НАТО рекомендовано вновь напомнить о ранее заявленных обязательствах по приведению оборонных бюджетов до уровня 2% ВВП для всех стран-членов. Страны-члены, которые сегодня находятся ниже 2% порога, должны представить поэтапный план, чтобы достичь 2% в течение 6 лет. Это не должно мешать непрерывным усилиям стран НАТО для повышения эффективности военных расходов за счет лучшей централизации наращивания потенциала и расширения регионального сотрудничества.

Тем не менее, необходимо зафиксировать еще несколько важных тенденций в НАТО, связанных с украинским кризисом. В некоторых политических кругах стран-партнеров альянса, как например Финляндии, Швеции и др. были вновь возобновлены дискуссии о необходимости присоединиться к

Североатлантическому альянсу, так как ситуация с украинским кризисом явно продемонстрировала тот факт, что статус партнера не предполагает никаких гарантий безопасности. Также не приходится говорить о том, что текст Североатлантического договора может быть пересмотрен в ближайшем будущем, в результате чего Статья 5 будет расширена гарантиями и обязательствами безопасности перед странами-партнерами.

Таким образом, политика расширения НАТО может быть пересмотрена. И здесь, прежде всего, в качестве потенциальных членов Североатлантического альянса, имеются в виду не Грузия и Украина со своими территориальными проблемами, а государства, для вступления которых лишь необходима политическая воля их руководства, как, например, в случае Финляндии или Швеции.

Тот факт, что с момента начала крымского кризиса политическое руководство Польши, Литвы, Латвии и Эстонии сделало запрос на увеличение вооруженных сил НАТО на своей территории, свидетельствует не столько о боязни возможной интервенции, сколько о беспокойстве политических элит этих государств по поводу того, что Россия может задействовать фактор русскоговорящих меньшинств для дестабилизации политической обстановки. Тем не менее, все это приведет в итоге к пересмотру оборонных планов НАТО для этих государств. А вопрос русскоговорящих меньшинств будет оставаться, скорее всего, вопросом их внутренней политики.

Несмотря на кажущуюся для внешнего наблюдателя консолидацию среди членов НАТО перед лицом украинского кризиса, крепость трансатлантических связей между США и их натовскими союзниками вызывает сомнения. В частности, бытует мнение, что США не надо ни защищать Украину, ни расширять НАТО, а за оборону Европы должна отвечать сама Европа. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что, несмотря на политическую поддержку Белым домом украинского руководства, США не собираются делиться с Украиной разведанными о российской группировке войск, сконцентрированной на российско-украинской границе, а также поставлять летальные виды помощи. Источники в Конгрессе США утверждали, что когда в апреле 2014 г. американская разведка зафиксировала линии снабжения, полевые госпитали и мобильные медсанчасти (чего не «видела», когда Россия в феврале объявила о военных учениях вблизи Украины), командованию армии США велели воздержаться от детального ознакомления украинских коллег с данными США о российских войсках. А министр обороны США Чак Хейгел заявил, что в случае российского вторжения США не должны вмешиваться в вооруженный конфликт.

Против такой позиции Белого дома резко высказался главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал

Филипп Бридлав, обвинив Вашингтон в том, что он ничего не делает для того, чтобы помочь Украине защититься от России.

Эти разногласия явно свидетельствуют о том, что США пересматривают свои военно-политические функции в Европе. Уже появились данные, что планы по размещению дополнительных американских войск в Центральной и Восточной Европе не будут столь решительными, как этого хотят эти государства.

Все это, безусловно, будет оказывать влияние на трансформацию коллективной оборонной политики НАТО. Озвученные ранее меры по развертыванию дополнительных натовских сил на границе с Союзным государством Беларуси и России явились достаточно предсказуемым итогом развития крымского кризиса. Дальнейшие действия альянса будут зависеть от тех договоренностей, которые могут быть достигнуты в ходе переговоров в рамках минского, нормандского или же женеvского форматов.

Пока же альянс сделал выводы и отреагировал на украинский кризис в духе тех рекомендаций, которые были сформулированы в результате симуляционной игры, описанной выше. С начала украинского кризиса НАТО провело во второй половине 2014 г. несколько крупных военных учений вблизи границы с Россией, включая: Spring Storm (5 – 23 мая; Эстония; 6 тыс. военнослужащих; проводятся ежегодно с 2004 г.); Sabre Strike (9 – 20 июня; Латвия, Литва и Эстония; 5 тыс. военнослужащих, 800 единиц военной техники; проводятся ежегодно с 2011 г.); BALTOPS (6 – 21 июня; Балтийское море; задействованы корабли 13 стран НАТО и ее партнеров; проводятся с 1971 года, с 1993 года – в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира»); Ample Strike 2014 (3 – 15 сентября; Чехия; 1,5 тыс. военнослужащих, 30 боевых самолетов, 50 единиц наземной боевой техники).

По итогам саммита НАТО в Уэльсе (4–5 сентября 2014 г.) членами альянса в ответ на украинский кризис было принято решение о создании группировки сил быстрого реагирования альянса с участием авиации, флота и сухопутных частей численностью 3 – 5 тыс. военнослужащих. При этом полное развертывание группировки и приведение всех ее сил в боевую готовность должно занимать не более двух дней. Принятый на саммите План действий по повышению боеготовности НАТО подтвердил утвержденную ранее норму, по которой страны-члены альянса должны не снижать свои военные расходы и довести их в течение десяти лет до нормы в 2% ВВП.

В последствие ряд решений был детализирован во время встречи глав МИД государств-членов НАТО в Брюсселе 2 декабря 2014 г. Во-первых, планируется расширить инфраструктуру НАТО в Восточной Европе (Польше, Румынии, странах Балтии). Предполагается, что на каждом из создаваемых объектов будут дислоцироваться несколько сотен специалистов в облас-

ти разведки, логистики и планирования. Также там по принципу ротации могут размещаться боевые подразделения и техника. Во-вторых, в будущем будет создано объединенная оперативная группа повышенной готовности Spearhead Force («наконечник копья»), создаваемой на базе сил реагирования НАТО. Предполагается, что своих военных в нее направят большинство стран альянса, но пока об участии в проекте заявили лишь ФРГ, Нидерланды и Норвегия. Также пока что не очень понятен механизм финансирования этих сил. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил, что создание такого подразделения «значительно расширит возможности НАТО по реагированию на кризисы и противодействию тактике гибридной войны». Термином «гибридная война» в альянсе называют действия России на украинском направлении.

Однако уже очевидно, что в случае существенного пересмотра коллективной оборонной политики НАТО, предполагающей новые планы обороны для таких государств, как Польша, Литва, Латвия и Эстония, соответствующей корректировке подвергнутся и планы военного строительства Беларуси, о чем свидетельствует недавнее принятие нового Оборонного плана, Директивы о национальной обороне, а также внесение поправок в Закон о военном положении. В целом Беларусь как государство, непосредственно граничащее с НАТО, не заинтересовано в подобном развитии ситуации. Именно поэтому белорусское политическое руководство выступает за дипломатическое решение украинского кризиса и восстановление доверия между НАТО и Россией.

ЛИВИЙСКИЙ ПРОВАЛ НАТО

*А.А. Челядинский, Белорусский государственный университет,
профессор*

Автору данного материала неоднократно приходилось говорить и писать о том, что члены мирового сообщества должны извлекать уроки при принятии ими решений на международной арене, особенно когда речь идет о мусульманском мире. Но каждый раз присутствует некое исследовательское отчаяние в этом плане. И это касается не только НАТО, но и того объекта, который организация уничтожила в 2011 г. – ливийскую Джамахирию и ее лидера. Находясь сорок два года у власти, М.Каддафи потерял чувство времени, «забронзовел» и не желал видеть внутренних и внешних признаков угроз, о которых его предупреждали самые близкие люди. В результате все закончилось атакой ВВС НАТО на колонну, в которой ехал лидер страны, его линчеванием, гибелью трех сыновей, трех внуков – четырехмесячной Монсуры, двухлетнего Сефра и трехлетней Картаго [11, с.148]. Был ли прав в свое время Г.Гегель, которой подчеркнул, что история учит лишь тому, что она никогда не научила народы, а известный английский писатель О.Хаксли отмечал: уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из этих наставлений. Эти суждения в свете украинских событий, очень актуальны, когда поведение НАТО должно изучаться с точки зрения ливийских последствий. К сожалению, там альянс наступил на те же грабли, что в Афганистане и Ираке. О чем идет речь? Было уделено огромное внимание силовой составляющей, что получилось не слишком удачно (более 50 тыс. убитыми, тысячи пропавших без вести, сотни тюрем и лагерей), без какого-либо плана при проведении операции и особенно после. Видимо французы, взявшие на себя инициативу и как бы извиняясь перед США за отказ поддержать их в Ираке, руководствовались принципом Бонапарта: «Главное – втянуться в бой, а там будет видно». Именно Париж признал первым силы ливийской оппозиции, инициировал принятие резолюции СБ ООН 1973 г. «О запрете воздушного пространства Ливии для ВВС Ливии».

Но даже не это вызывает озабоченность. Почему альянс поддался на опрометчивые шаги Парижа, и чего он добился в конечном итоге? Ведь в новой стратегической концепции НАТО «Активное вовлечение, современная оборона», принятой в Лиссабоне 19 ноября 2010 г. подчеркивалось, что приоритетное внимание должно быть уделено развитию «отношений дружбы и сотрудничества со всеми странами Средиземноморья» (подчеркнуто – А.Ч.). А в пункте 21 концепции подчеркивалось, что «для эффективного кризисного урегулирования необходим всеобъемлющий политический, гражданский и

военный подходы» [8]. Почему применительно к Ливии такой подход отсутствовал, кроме военного? Почему теория применения этих принципов разошлась с реальностью? Ведь Каддафи еще с середины 90-х годов предпринял ряд радикальных позитивных шагов в сторону Запада, особенно после вторжения в Ирак и публичной казни С.Хуссейна (если это был он?). При помощи экспертов США вырабатывались планы модернизации экономики в сторону развития частного сектора, под международным контролем были уничтожены запасы ОМУ. На поклон к лидеру Джамахирия в бедуинский шатер ездили ведущие западные политики, в том числе Н.Саркози, чью избирательную кампанию финансировал ливийский режим. Ф. Кастро в своих «Размышлениях команданте» ничуть не преувеличивал, когда писал о том, что отношения НАТО и Ливии были очень хорошими: Ливия исправно поставляла нефть и газ, выполняла все предписания МВФ. Каддафи безудержно хвалили Саркози, Блэр, Берлускони [5]. Каддафи жестко боролся с исламистами, особенно с «братьями-мусульманами», но остерегался массовых убийств их сторонников и массовых репрессий, поскольку в условиях племенной раздробленности это могло спровоцировать восстание. Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения Нохи Бакра, египетского политолога о том, что в Ливии Каддафи использовал не только военных, но и наемников из стран Африки для уничтожения собственного народа. Это якобы и вызвало принятие резолюций СБ ООН 1970 и 1973 гг., которые «заклеймили происходящее в Ливии как преступления против человечности» [2]. Бакр умалчивает о том, что представителям официального Триполи отказали во въездных визах в США с тем расчетом, чтобы они не могли донести свое видение проблемы. Каддафи выплатил компенсацию жертвам терактов Ла-Белль в Западном Берлине в 1986 г., Локерби в 1988 г., вышел из конфликта в Чаде, перестал требовать насильственного уничтожения Израиля и т.д. Российский исследователь С. Демиденко высказал мнение, что страны НАТО «сами развратили Каддафи, всячески потакая его самым вызывающим прихотям. Настолько велика была заинтересованность членов альянса в нефти и газе, особенно после 2004 г., что они готовы были стерпеть и санкции в отношении Швейцарии и бесконечные кутежи отпрысков Каддафи на европейских курортах. Италия даже взяла на себя обязательство выплатить Ливии несколько миллиардов долларов в качестве компенсации за многолетнюю оккупацию» [3].

Основная причина участия НАТО во внутренних делах Ливии, на наш взгляд, состояла не только в геэкономических и геополитических интересах его членов, а в том, чтобы ликвидировать ту модель общественного устройства, которую лучший друг М. Каддафи У. Чавес назвал «социализмом XXI века», модель, которая могла бы быть принята на вооружение странами Африки и где влияние КНР усилилось, а стран НАТО резко упало. Когда основ-

ные богатства Ливии шли на пользу всему народу, который по логике полковника должны жить достойно уже сейчас, а не в будущем. Как известно, Каддафи критиковал советскую политическую систему, не выходящую, по его мнению, за пределы государственного капитализма, также резко отзывался о странах НАТО, где господствует частный капитал, присваивающий плоды труда большинства. От этого, по его мнению, проистекают все трагедии народов, войны и террор: «Нефтяные компании контролируются иностранцами, которые захватывают миллионы, теперь их место должны занять ливийцы, чтобы воспользоваться этими деньгами» [9]. Поэтому Каддафи национализировал нефтяную промышленность, но не полностью. Доходы были направлены на решение социальных проблем, прежде всего снабжение водой. Была построена Великая искусственная река – система трубопроводов, снабжавшая пресной водой северную часть страны из трех озер, лежащих под пустыней Сахара. В отличие от Ирака, Сирии, Египта, Йемена, национальный доход к 2011 г. составлял около 15 тыс. долларов на душу населения. Государство обеспечивало гражданам бесплатное образование и медицинское обслуживание, отсутствовала безработица, поскольку тяжелый физический труд выполняли гастарбайтеры из Египта, Алжира, негроидной Африки. Была ликвидирована неграмотность, уровень детской смертности снизился до 25 на 1 тыс. новорожденных, за каждого ребенка родителям выплачивалось 7 тыс. долларов, молодоженам выделялось 30 тыс. долларов на свадьбу и 60 тыс. на строительство квартиры. Основные продукты питания, бензин продавались по низким ценам. Электричество было бесплатным, малоимущие получали пособие в размере 750 долларов в месяц [11, с.141]. Взгляды Каддафи на права человека отличались от западных стандартов и когда СМИ обвиняли его в бойне, устроенной в тюрьме Абу-Салим, то они не упоминали о том, что речь шла о членах «Братьев-мусульман» и боевиках Ливийской исламской боевой группы (ЛИБГ), поднявших мятеж, завладевших оружием и перебивших охрану. Безусловно, нельзя изображать ливийский режим и его главу «белыми и пушистыми». Были и грубые ошибки и просчеты во внутренней и внешней политике. Но Каддафи не был «мясником» в отношении своего народа типа С.Хусейна.

Чтобы ликвидировать Джамахирию и не повторить иракский скандал, страны НАТО позаботились о дипломатическом прикрытии в рамках СБ ООН, где даже Россия фактически подыграла альянсу, воздержавшись при голосовании, а до этого отказавшись продать Ливии оружие, включая средства противозенитной обороны [7]. Только после того, как страны НАТО (кроме ФРГ) стали поставлять оружие повстанцам, последовало заявление С.Лаврова о том, что резолюция СБ ООН 1973 г. была принята поспешно, а расширительное толкование ее текста членами альянса неприемлемо [6]. В

отличие от других стран Большого Ближнего Востока, в Ливии НАТО использовала прежде всего сепаратистские настроения верхушки племен саади в Киренанке, богатой нефтью восточной части Ливии. В 1969 г. эта верхушка в лице короля Идриса была свергнута и все сорок лет считала себя обделенной властью и богатством. Возник конфликт между Киренаикой и Триполитанией (Запад Ливии), который мог разрешиться в результате политического маневрирования Каддафи, не будь вмешательства НАТО. Станы Запада очень быстро признали созданный в Бенгази Национальный совет переходного периода «законным посредником в переговорах» и призвали Каддафи отказаться от власти, на что последовал ответ, не похожий на пустую браваду: «Я не какой-то президент, эмир или султан, которого свергают. Я революционер, поэтому пойду до конца» [1]. Насколько можно судить с точки зрения права, альянс загнал себя в ловушку, когда вначале заявил, что полковник должен быть отстранен от власти, объявлен международным преступником, а потом уговаривал его добровольно отказаться от власти.

Действия авиации западной коалиции в интересах сепаратистов явились, по сути, вмешательством в гражданскую войну и вышли за пределы полномочий, установленных для НАТО СБ ООН. С 31 марта по 31 октября 2011 г. авиация НАТО совершила 26 тыс. вылетов на позиции правительственных войск. За выполнением эмбарго на поставки оружия Каддафи следили корабли альянса, остановившие для проверки 864 судна [4]. Антиливийская кампания дорого обошлась НАТО. Одна только Великобритания потратила на эту операцию 3 млрд. долларов [10]. С января по август советники стран НАТО и монархий Персидского залива сумели из несостоятельных в военном отношении мятежников-исламистов создать боеспособные части и направить их против регулярной армии и народного ополчения. Но усилия не давали результата и тогда альянс пошел ва-банк. К организации битвы за Триполи были привлечены, кроме ВВС НАТО, частные военные компании из Великобритании, Франции, Дании, Голландии, Норвегии, ФРГ, наемники из Катара, Иордании. По просьбе НАТО даже Россия направила в Триполи своего представителя, чтобы убедить полковника сдаться на милость победителей [12]. Но Каддафи отказался это сделать.

Подводя итог вышеизложенному, поставим вопрос: а что в сухом остатке спустя три года? Ливия исчезла с политической карты мира, сегодня это лишь географическое название. Она распалась на три отдельные части, некое подобие Сомали, враждующие между собой. Экономический потенциал снизился на 60%, добыча нефти резко упала, поскольку новые власти не контролируют ситуацию. По территории бывшей страны бродят 200 тыс. вооруженных людей, страна погрузилась в хаос, набирает силу межплеменной конфликт. У центральной власти до сих пор нет внятной программы вы-

хода из кризиса. Те, кого НАТО привезла в обозе, не пользуются уважением, поскольку тридцать лет они не были в Ливии и не знают реалий. Главный результат натовской кампании – усиление влияния исламских радикалов. Неужели правы те, кто считает реальностью негласный союз стран альянса с исламистами? Несмотря на их словесную перебранку, что же получается: альянс уходит из Афганистана – появляется Талибан, альянс уходит из Ирака – появляется исламское государство, альянс уходит из Ливии – по американской терминологии она превращается «в рассадник международного терроризма». Страна брошена на произвол судьбы. За что же тогда НАТО боролась?

Литература

1. Агаев Р. Ближний Восток: лжереволуция // Вестник аналитики. - 2011. - №2(44). - С.45.
2. Бакр Н. Арабская весна: арабские революции XXI века // Вестник аналитики. - 2012. - №1(47). - С.49.
3. Демиденко С. Ливия после Каддафи // Вестник аналитики. - 2011. - №4(46). - С.63.
4. Зинин Ю. Война в Ливии и возможные сценарии // Международная жизнь. - 2011. - №6. - С.41.
5. Кастро Ф. Размышления команданте // Материалы Посольства Республики Куба в Республике Беларусь. - 2010, 2 февраля.
6. Кузнечевский В. Казус Ливии и проблема государственного суверенитета // Международная жизнь. - 2011.- №5.
7. Международная жизнь. - 2011. - № 11. - С. 25.
8. Международная жизнь. - 2012. - № 1. - С. 30.
9. Оганесян А. Что мог рассказать Каддафи Международному суду // Международная жизнь. - 2011.- №11. - С. 57.
10. Павлов О. Фитна в арабском мире или куда ведут смутные времена на ближнем Востоке // Международная жизнь. - 2011. - №11. - С.36.
11. Подцероб А. Каддафи, каким я его знал // Международная жизнь. 2012. - №9. - С.- 148.
12. Саватеев А. «Арабская весна: симбиоз глобализации и исламских традиций» // Азия и Африка сегодня. 2012. №2. С.10.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОВЕСТКЕ ДНЯ НАТО
А.М. Чиж, Белорусский государственный университет, аспирант

Сегодня НАТО, созданное во времена, когда ключевое место в вопросах обеспечения национальной безопасности занимало устранение традиционных (преимущественно военных) угроз и обеспечение коллективной обороны в рамках региональных объединений государств, сталкивается с необходимостью адаптироваться к новой обстановке в условиях существования нетрадиционных угроз безопасности. Преодоление последствий стихийных бедствий, перебои в поставках энергоресурсов, кибератаки, борьба с пиратством – вот те проблемы в сфере безопасности, которые в начале XXI в. встали перед многими странами и которые могут трансформироваться в глобальные угрозы безопасности. В связи с этим преобразуются не только направления, но и географический охват – от регионального к глобальному – деятельности НАТО.

Проблема обеспечения энергетической безопасности, будучи одной из наиболее актуальных для государств-членов НАТО, отражена в основных документах и действиях Североатлантического альянса.

Впервые необходимость обеспечения энергетической безопасности была отмечена в Декларации Рижского саммита НАТО 26 ноября 2006 г. В данном документе речь шла о защите энергетической инфраструктуры участников альянса путем определения непосредственных угроз энергетической безопасности и, если потребуется, оказания поддержки на национальном или международном уровне [6]. В Декларации Бухарестского саммита 3 апреля 2008 г. вновь упомянуты защита энергетической инфраструктуры, а также обеспечение стабильности в энергетическом секторе [1]. Данное направление в деятельности Североатлантического блока было закреплено в принятой на саммите в Лиссабоне в 2010 г. Стратегической концепции, определившей задачи альянса в энергетической сфере: 1) защита жизненно важной энергетической инфраструктуры; 2) защита путей доставки энергоресурсов; 3) создание возможностей для оказания государствам-членам помощи в их борьбе с угрозами энергетической безопасности [7].

В Декларации Чикагского саммита 20 мая 2012 г. акцент был сделан на решении следующих задач: 1) обеспечение стабильных и надежных поставок энергоресурсов; 2) диверсификация поставщиков энергоресурсов, источников энергии и путей ее доставки; 3) повышение энергоэффективности вооруженных сил НАТО [2]. Эти же задачи были подтверждены в ходе саммита в Уэльсе 4-5 сентября 2014 г. [9], однако они не получили своего дальнейшего

развития, поскольку важнейшими вопросами на повестке дня были кризис в Украине и борьба с силами Исламского государства в Ираке и Сирии.

Что касается достижения поставленных целей и практического решения задач в сфере обеспечения энергетической безопасности, то в настоящее время усилия государств-членов НАТО сосредоточены на анализе угроз в данной сфере, на разработке энергоэффективных технологий для вооруженных сил, а также поиске оптимальных механизмов сотрудничества блока с другими акторами на международной арене, в первую очередь с Европейским союзом.

В этом контексте следует упомянуть созданный НАТО в 2012 г. в Вильнюсе Передовой центр энергетической безопасности, призванный обеспечивать экспертную научно-техническую поддержку в энергетической сфере для содействия анализу рисков; предоставлять технические решения в области энергетической безопасности для формирования экологически чистого и эффективного военного потенциала; проводить научно-технический анализ различных вопросов энергетической безопасности и защиты критической инфраструктуры в тех сферах, в которых заинтересован альянс [8].

Таким образом, государства-члены НАТО в первую очередь нацелены на проведение консультаций по проблемам энергетической безопасности и реализацию научно-исследовательской работы для поиска методов и способов обеспечения энергетической безопасности. Североатлантический блок также намеревается наладить сотрудничество с Европейским союзом, однако в данном случае требуется детальная проработка сфер ответственности обоих акторов во избежание дублирования предпринимаемых шагов и выполняемых функций.

Но столь пристальное внимание НАТО к проблемам энергетической безопасности может поставить на повестку дня дальнейшую политизацию и даже милитаризацию данной сферы безопасности. В этой связи интерес представляет мнение советника исполнительного директора Международного энергетического агентства Ф. Корнелла, рассматривающего энергетическую безопасность через призму трехуровневой модели.

Первый уровень – это «военная энергетическая безопасность», представляющая собой «главным образом обеспечение и проведение логистических цепей к местам ведения боевых действий, а также управление общими потерями и потребностями в энергии» [3].

Второй уровень (или «вторичная энергетическая безопасность») – это обеспечение потребностей в энергетических ресурсах и электроэнергии всех служб государства (здравоохранение, образование, транспорт, борьба с чрезвычайными ситуациями и т.п.).

«Третичная энергетическая безопасность» имеет первостепенное значение для экономической сферы. Как отмечает автор, на этом уровне «энергетическая безопасность как таковая традиционно требует, чтобы цены были «приемлемыми». Ф. Корнелл также добавляет, что «третичная безопасность – это первый и наиболее вероятный из трех уровней, которому угрожают перебои в поставках углеводородов» [3]. При этом, по мнению Ф. Корнелла, «милитаризация» энергетической политики угрожает третичной безопасности, отправляя неправильные сигналы рынку и потенциальным инвесторам в инфраструктуру, независимо от того, являются они государственными монополиями или нет» [3].

Представляется, что внедрение энергоэффективных технологий в вооруженных силах НАТО является отражением такого подхода к энергетической безопасности военной сфере. Операция НАТО в Афганистане показала, что для защиты маршрутов транспортировки топлива требуются существенные затраты, а жизнь личного состава вооруженных сил при этом подвергается угрозе [4].

Но защита маршрутов доставки топливно-энергетических ресурсов, энергетической инфраструктуры может стать активным компонентом деятельности Североатлантического альянса. Пример тому – операция военно-морских сил НАТО «Океанский щит» (с 2009 г.) в Аденском заливе по защите гражданских судов и морских транспортных путей от нападений пиратов [5]. Активизация добычи природного газа в Восточной Африке и перспективы роста его экспорта в сжиженном виде (СПГ) подчеркивают необходимость устранения угрозы со стороны сомалийских пиратов, в чем решающую роль может сыграть ВМФ НАТО. Операция «Океанский щит» дает возможность не только стабилизировать обстановку в прилегающих к региону водах, но и обеспечить безопасность поставок СПГ на мировые рынки.

Таким образом, в настоящее время такое направление деятельности НАТО, как обеспечение энергетической безопасности государств-членов, находится в стадии становления. В первую очередь оно предполагает развитие научно-технического потенциала в сфере энергетической безопасности и обеспечение высококачественного анализа ведущих тенденций в развитии мирового топливно-энергетического комплекса, которые оказывают непосредственное влияние на состояние безопасности участников альянса.

Особое место в рамках деятельности по устранению угроз энергетической безопасности будет занимать сотрудничество с Европейским союзом, который проводит активную энергетическую политику.

В Европе ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности будет играть ЕС, однако НАТО может осуществить свой вклад в энергетическую политику посредством реализации программы энергоэффективности и

использования альтернативных источников энергии в вооруженных силах, способствуя таким образом достижению целей Евросоюза в области энергоэффективности и борьбы с глобальным изменением климата.

В то же время следует избегать милитаризации процесса обеспечения энергетической безопасности, особенно на пространстве Европейского союза, поскольку укрепление роли военных в предотвращении перебоев в поставках энергоносителей может рассматриваться их экспортерами в качестве угрозы собственной национальной безопасности, что в свою очередь породит ответные меры, которые будут способствовать нарастанию напряженности в регионе.

Однако использование военного потенциала НАТО для защиты жизненно важной энергетической инфраструктуры от нападений со стороны террористов или пиратов в нестабильных регионах при соблюдении соответствующих норм международного права и с согласия региональных акторов будет способствовать укреплению глобальной энергетической безопасности.

Литература

1. Bucharest Summit Declaration [Electronic resource] // The Official Website of the North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_8443.htm>. – Date of access: 02.12.2014.

2. Chicago Summit Declaration [Electronic resource] // The Official Website of the North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_87593.htm#energy_security>. – Date of access: 11.12.2014.

3. Cornell, P.E. Energy Security as National Security: Defining Problems Ahead of Solutions / P.E. Cornell [Electronic resource] // Journal of Energy Security/ – 19 February 2009. – Mode of access: <http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=183:energy-security-as-national-security-defining-problems-ahead-of-solutions1&catid=92:issuecontent&Itemid=341>. – Date of access: 02.12.2014.

4. Husniaux, A. Frontline NATO: Energy, Science and Warfighter / A. Husniaux, A. Ghanmi, M. Gietter [Electronic resource] // Journal of Energy Security / – 20 November 2013. – Mode of access: <http://www.ensec.org/index.php?option=com_content&view=article&id=468:front-line-nato-energy-science-and-the-warfighter&catid=139:issue-content&Itemid=425>. – Date of access: 02.12.2014.

5. Operation Ocean Shield [Electronic resource] // The Official Website of NATO Maritime Command. – Mode of access: <<http://www.mc.nato.int/ops/Pages/OOS.aspx>>. – Date of access: 02.12.2014.
6. Riga Summit Declaration [Electronic resource] // The Official Website of the North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: <<http://www.nato.int/docu/pr/2006/p06-150e.htm>>. – Date of access: 02.12.2014.
7. Strategic Concept For the Defence and Security of The Members of the North Atlantic Treaty Organization [Electronic resource] // The Official Website of the North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: <http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120203_strategic-concept-2010-eng.pdf>. – Date of access: 11.12.2014.
8. The Official Website of NATO Energy Security Center of Excellence [Electronic resource]. – Mode of access: <<http://www.enseccoe.org/en/about-us/centre-of-excellence.html>>. – Date of access: 10.12.2014.
9. Wales Summit Declaration [Electronic resource] // The Official Website of the North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease>. – Date of access: 10.12.2014.

**ВОСТРЕБОВАННОСТЬ СОТРУДНИЧЕСТВА ОДКБ И НАТО В
ПРЕОДОЛЕНИИ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**
*А.П.Шпаковский, Информационно-просветительское учреждение
«Актуальная концепция», директор*

ОДКБ и НАТО: несопоставимая субъектность

Анализируя возможность взаимодействия между ОДКБ и НАТО, специалисты воленс-ноленс скатываются до анализа отношений между основными государствами блоков – США и Российской Федерацией, при этом если США действительно обладают полноценным влиянием на позицию НАТО, то механизм ОДКБ не обладает столь сильной субъектностью в отношении национальных правительств.

Подобное положение дел скорее продиктовано не тем фактом, что Россия не достаточно влиятельна в глазах остальных партнеров по блоку, а тем, что ОДКБ, в отличие от НАТО, до настоящего момента так и не стала полноценной военно-политической организацией.

Например, 24 апреля 2014 года Генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа на пресс-конференции в Москве заявил о прекращении усилий по установлению контактов с НАТО в связи с ситуацией на Украине. Между тем, подобное решение касалось только аппарата сотрудников Секретариата ОДКБ, но вовсе не Вооруженных Сил стран – членов, чья политика в отношении НАТО оставалась в компетенции национальных правительств. Таким образом, государства Центральной Азии, Армения, Республика Беларусь, да и сама Российская Федерация продолжили взаимодействие с НАТО сообразно своим национальным интересам, независимо от решения Секретариата ОДКБ.

Такая ситуация, безусловно, влияет на восприятие ОДКБ как военно-политического блока со стороны руководства Североатлантического альянса, которое до настоящего момента предпочитает игнорировать ОДКБ и работать напрямую с властями постсоветских республик.

Между тем, подобное игнорирование субъектности ОДКБ характерно не только для НАТО, но также для основного вдохновителя создания блока – Российской Федерации, что совершенно очевидно на примере военной операции ВС России в Крыму, когда никаких консультаций с союзниками по ОДКБ проведено не было, а значит отсутствует консолидированная позиция государств ОДКБ по «крымскому прецеденту».

Таким образом, несмотря на имеющиеся отдельные объединительные устремления (например, заявление А.Г. Лукашенко на первом Форуме регио-

нов Беларуси и России, где белорусский лидер отметил, что Евразийский Экономический Союз ожидает «военная и политическая интеграция», с изменением роли ОДКБ до статуса «военной организации» нового образования»), по факту развертывание ОДКБ до уровня полноценной организации сдерживается самой Россией, предпочитающей в острых вопросах действовать самостоятельно, без оглядки на мнение союзников, а инструментарий ОДКБ использовать для решения конкретных задач собственной политики в области национальной обороны и безопасности в Европе, Центральной Азии, Закавказье.

Таким образом, специфику взаимодействия ОДКБ и НАТО логично рассматривать либо по каждому участнику ОДКБ в отдельности, либо на уровне отношений НАТО – Россия. Второй вариант выглядит более предпочтительно, так как из всех участников ОДКБ только Россия обладает сопоставимой с НАТО степенью вовлеченности в решение проблем глобальной безопасности, к чему, при наличии соответствующей политической воли Кремля, могут быть подключены возможности всех государств-членов ОДКБ.

Россия-НАТО: никто «не хочет» войны

28 ноября 2014 года в интервью радиостанции «Эхо Москвы» генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил, что Североатлантический альянс «абсолютно не хочет» новой холодной войны с Россией. По мнению г-на Столтенберга, «Россия - это великая страна с великой историей, и надеюсь, что Россия будет успешной страной. Если Россия будет сотрудничать с нами, убежден, что от этого выиграют и Россия, и НАТО». По большому счету, замечание г-на Столтенберга относительно целесообразности сотрудничества Россия-НАТО является абсолютно верным не только с позиций развития двух центров силы, но в принципе с точки зрения планетарной безопасности.

В настоящий момент, к сожалению, стороны весьма далеки друг от друга как никогда в истории с момента крушения СССР. Даже «косовский кризис» и операция НАТО в Югославии в 1999 году, которая была крайне нервно воспринята российским руководством и его ближайшими военно-политическими союзниками, не имела такого негативного воздействия на характер взаимоотношений РФ и Североатлантического альянса.

Украина стала той самой линией раздела и границей интересов, которая принуждает мировые управляющие элиты, в том числе военные, к принятию принципиального решения: диалог или конфронтация? Российское руководство устами своих дипломатов демонстрирует схожую позицию с руководством НАТО - формально «никто не хочет войны», а 20 ноября 2014 года в

ходе пленарного заседания Организации Объединенных Наций постпред РФ при ООН В. Чуркин подчеркнул необходимость сотрудничества НАТО и государств-членов ОДКБ по вопросу обеспечения безопасности в Афганистане.

Востребованность взаимодействия

Логика исторического момента объективно диктует России и НАТО необходимость возвращения к диалогу во имя разрешения еще более серьезных вызовов мировой безопасности, чем существующий геополитический конфликт в Украине, который уже мог быть разрешен исходя из «минских договоренностей», прояви стороны необходимую политическую волю.

Когда речь идет о вызовах мировой безопасности, то нужно иметь в виду, в первую очередь, нестабильную военно–политическую обстановку в Афганистане, где существует угроза развития конфликта до уровня полномасштабной гражданской войны с вовлечением этнически близких среднеазиатских государств, что особенно актуально с учетом прогнозируемых проблем преемственности власти в трех из пяти среднеазиатских государств. Другим серьезным риском безопасности является беспрецедентный рост афганского наркопроизводства и увеличение трафика наркотиков в Россию и государства ЕС. В период пребывания войск международной коалиции в Афганистане уровень наркопроизводства в этой стране возрос, по различным оценкам, в 40-80 раз. Ежегодно через страны ОДКБ переправляется около 120 тонн наркотиков из Афганистана. Прогнозируется дальнейший рост наркопроизводства и поставок наркотиков из Афганистана и государств ЦА в Россию, что, ввиду высокого уровня коррумпированности российской власти, создает непосредственную угрозу национальной безопасности приграничных государств, особенно Республики Беларусь, не имеющей пограничного и таможенного контроля государственных границ с РФ.

Основным же фактором мировой нестабильности, безусловно, является террористическая группировка «Исламское государство», которая контролирует часть территории и нефтедобычи Сирии и Ирака, а амбиции террористов, направленные на создание халифата, распространяются значительно шире – от ближнего Востока до юга Европы и Азии. «Исламское государство», которое первоначально пользовалось американской поддержкой, предназначенной для оппозиции режиму Б. Асада в Сирии, сейчас воспринимается в качестве главной угрозы современной вашингтонской администрацией, что уже привело к перезагрузке отношений между США и Ираном, еще недавно относившимся к «оси зла».

Среди личного состава бойцов ИГИЛ значительное число выходцев из мусульманских регионов России, а планы относительно создания «большого

Хорасана» на территории среднеазиатских государств прямо формируют повестку для взаимодействия НАТО и ОДКБ по преодолению очередной исламской террористической угрозы.

Компромисс во имя сотрудничества

При этом очевидно, что характер уступок во имя сотрудничества должен быть взаимным. Для государств НАТО, в первую очередь США, логично отказаться от линии «ястребов», направленной на капитуляцию России, а также впервые посмотреть на Российскую Федерацию не как на «ученика» или «сырьевой авангард Запада в Азии», но как на равноправного партнера, имеющего собственные позиции и интересы в системе евроатлантической цивилизации.

Сложно не согласиться с российским экспертом И. Юргенсом, который утверждает, что нынешние действия российского военно-политического руководства в отношении Украины являются своеобразным ответом Западу, который вызван ощущением «вторичности России», так как «все, что бы ни делал Владимир Путин, не находило отклика у американцев». Автор справедливо отмечает, что «что бы мы ни делали, мы все время граждане второго сорта, мы где-то на вторых ролях, нам все время отвечают: «Нет, этого мало, этого недостаточно...». И постоянная учеба, как надо себя вести. Если честно, даже меня, который убежден в том, что мы, безусловно, Европа, что мы должны смирить гордыню, пройти через многие «штудии», исправить много недостатков и войти в конечном итоге и в Европейский союз, и в общие структуры безопасности, — даже меня это начинало раздражать». Между тем, по мнению И. Юргенса, «после 11 сентября 2001 года американцам было предоставлено максимальное количество возможностей на площадке, которую Россия всегда считала своей (имеются в виду среднеазиатские государства, возможность коридоров в Афганистан). Была ликвидирована база в Лурдесе на Кубе, которая считалась жемчужиной в короне российской разведки и контрразведки, так как давала возможность прослушивать всю территорию Соединенных Штатов. Затем была закрыта база во вьетнамской Камрани, которая давала возможность контролировать все военные и другие передвижения в Юго-Восточной Азии. В ответ на все это российская власть ожидала двух вещей. Во-первых, что ни в коем случае не возникнет военная угроза России, дестабилизация баланса сил, достигнутого при Брежневе с Соединенными Штатами и НАТО. И, во-вторых, что военная инфраструктура НАТО не приблизится к нашим границам. Потому что для В. Путина и для всего российского военного сообщества любое такое приближение — даже если, как в случае с Латвией, речь идет о двух-трех старых датских истребителях, — все равно рассматривается как угроза. А тут где-то после 2005 года

уже речь пошла не о двух-трех самолетах, а о том, что в Косове создана крупнейшая в мире американская база. Потом такие базы возникли в Румынии и Болгарии, начались приготовления к созданию противоракетной обороны в Чехии и Польше — и все это совсем у наших границ».

Необходимо добавить, что ситуация вокруг Украины и роль западных государств в организации вооруженного переворота в Киеве зимой 2014 года в еще большей степени негативно оценивались российскими военными экспертами. Например, старший помощник Генерального Секретаря ОДКБ В.И. Никишин считает, что «Украина – театр борьбы за вытеснение России на периферию европейской цивилизации, в ходе которой США задействует организации украинских экстремистов. Основные цели США – разработка месторождений сланцевого газа в Донецкой и Луганской областях, расширение НАТО на восток с приближением границ Североатлантического альянса к России на дальность полета тактической ракеты». В свою очередь советник секретариата ОДКБ В.С. Давыдов полагает, что «Основная цель США – включение Украины в сферу влияния НАТО с размещением военных объектов на ее территории, что прямо угрожает интересам безопасности РФ. Данная линия США носит долгосрочный характер - с 1997 года. Украина – единственная страна, не входящая в Североатлантический альянс, но неизменно принимающая участия во всех операциях НАТО. В ходе саммита в Бухаресте (Румыния) в 2008 году стремление Украины к членству в альянсе было зафиксировано документально».

Исходя из изложенной ситуации, с однозначно негативным восприятием расширения НАТО на восток со стороны российского руководства, альянсу целесообразно воздержаться от подобных действий до полного восстановления доверия и перезагрузки с Москвой, приняв за основу своей стратегии по Украине пункт 24 договоренностей, разработанных американскими и российскими аналитиками в ходе встречи на финском острове Бойсто летом 2014 года, а именно «Подтверждение и гарантии взаимного уважения к внеблоковому статусу Украины».

Отказ от вооруженной поддержки «партии войны» в Киеве, который озвучил 01 декабря 2014 года генсек НАТО Й. Столтенберг на пресс-конференции накануне встречи глав МИД блока в Брюсселе, должен иметь симметричный ответ России в виде прекращения военного снабжения сепаратистов на территории Донецкой и Луганской областей Украины, после чего возможен переход к исполнению «Минских договоренностей» под международным контролем, что в свою очередь создает предпосылки для основательной перезагрузки по линии Россия-НАТО и соответственно возможности относительно сотрудничества ОДКБ и Североатлантического альянса.

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
И НАТО В 2014 Г.**

Сборник материалов международного семинара
Минск, 4-5 декабря 2014 года

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А.В. Русакович*

Подписано в печать 10.06.2015. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л.5,58. Уч. изд.л. 6,72. Тираж 80 экз. Заказ 66.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск